

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

АЛМАЗ
В ВОРОВСКУЮ КОРОНУ

Алмазы Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Алмаз в воровскую корону

«ЭКСМО»

2006

Сухов Е. Е.

Алмаз в воровскую корону / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2006 — (Алмазы Сталина)

Крупную добычу вор Жора Гуньков за версту чует, недаром и кликуха у него – Фартовый. Ничего, что добыча эта находится в опломбированном контейнере, под охраной офицеров НКВД и Смерша, ничего, что сам Фартовый чалится на зоне, через которую транзитом проходит секретный груз. Надо «разморозить» зону и в заварухе захватить «сундук». Задумано – сделано, только контейнер достался не вору, а бывшему подполковнику госбезопасности, а ныне штрафнику-рядовому Куприянову. Об этом контейнере знают Сталин и Берия, знает Фартовый, знает майор-смершевец Коробов... Знают и ждут. Ведь сотни первоклассных алмазов бесследно не исчезают...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	24
Глава 5	27
ГЛАВА 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгений Сухов

АЛМАЗ В ВОРОВСКУЮ КОРОНУ

Глава 1

ГРУППА «ТРИ ТОЛСТЯКА»

Лагерь, расположенный в лесах Свердловской области, был спрятан между двумя сопками, покрытыми густым лесом. Его можно было увидеть, только спустившись по грунтовой дороге, которая пробегала метрах в двухстах от внешнего ряда заграждений. Весной сорок пятого года он выглядел точно так же, как и несколько лет назад. Войны, которая скоро должна была закончиться полной победой, здесь не было. В низине взору сразу же представлялись смотровые вышки, выстроившиеся по всему периметру зоны. Их высокие островерхие макушки безжалостно скребли высоту, как если бы имели какие-то наивные претензии к самому Создателю.

Территория лагеря была большой. Она раскинулась километра на полтора с севера на юг, да и с запада на восток ничуть не меньше. У склона колючие ограждения заметно изгибались в волнистую линию и щетинистыми колючими нитками сбегали вниз. Только башенки вышек свидетельствовали о том, что запретная зона продолжается и в низине.

Лагерь был разбит тремя рядами колючей проволоки на четыре сектора, между которыми, свирепо рыча, бегали цепные кобели. В центре каждой локалки находились длинные бараки, отстоящие друг от друга на одинаковое расстояние.

А вот немного поодаль от лагеря, на каменистой площадке, размещались караульные помещения, казарма и двухэтажный дом для офицеров. В стороне же, огороженная колючей проволокой, была построена просторная землянка в два наката. В ней проживало три человека: двое офицеров и один рядовой. К лагерю они принадлежали лишь территориально. Эти люди имели особый статус, их курировала военная контрразведка, по-другому именовавшаяся «Смерш» – «Смерть шпионам», если полностью. Как поговаривали, капитан Сидорчук и рядовой Куприянов, совсем не похожий на простого солдата, не могли ходить отдельно, а потому их видели всегда вместе, и они топали друг за другом как привязанные. Даже фигурами они были очень похожи, оба высокие, плечистые, резковатые в движениях, с выправкой профессиональных военных. Правда, капитан был блондином и чуток лысоват, а человек с простыми солдатскими погонами – напротив, с густой черной шевелюрой.

Чувствовалось, что за спиной каждого из них изрядная боевая школа. В конвойной роте ходил слухок, что каких-то три месяца назад брюнет был подполковником. В такого рода молву охотно верилось, не зря же во взгляде чернявого ощущалась какая-то особая сила и цепкость, какая бывает только у людей, давно наделенных немалой властью. И всякий военный, наталкивающийся на подобный взгляд, невольно подносил ладонь к головному убору и первым отдавал честь, совершенно не обращая внимания на серые солдатские погоны черноволосого статного мужчины. Мало ли как судьба повернется. Иной штрафник высоко взлетает.

На поясе у капитана и солдата были пристегнуты противотанковые гранаты, что предписывалось инструкциями. И у обоих было по офицерскому «ТТ». Командиром группы был майор Коробов, длинный мужик с бородавкой на щеке, которую он часто почесывал. С капитаном и рядовым майор откровенно держался на дистанции, и даже по одному короткому взгляду было понятно, что связывает всех троих только служба.

Троица не подчинялась никому из персонала лагеря и практически ни с кем не общалась, разве только с уполномоченными из Свердловска, которые тревожили их не чаще одного раза в неделю.

Однажды начальник лагеря, Глеб Кириллович Лавров, который к этим загадочным людям был немного ближе, чем все остальные, рассказал офицерам-сослуживцам о том, что прежде майор и чернявый были приятелями, но дружба их закончилась в тот самый момент, когда они оба запали на одну бабу. В результате чего чернявый лишился погон подполковника и был отправлен на Урал под начало своего соперника. Уверенность в том, что такой слух имел под собой почву, подтверждал и тот факт, что однажды к brunetu приезжала какая-то девушка, и он даже сумел остаться наедине с ней на пару часов. Вряд ли у молодых людей произошло что-то серьезное, потому что после этого свидания барышня даже не пожелала остаться в выделенной для нее комнате и уехала из поселка с первой же подвернувшейся попуткой.

Какое именно задание выполняла троица, из персонала лагеря точно никто не знал, но то, что операция носила высшую степень секретности, было ясно для всех. Иначе и быть не могло, не просто же так все это курировал всемогущий «Смерш». А военная контрразведка была горазда на самые хитроумные комбинации. Бездарей там просто не держат – при желании они могли скрестить даже кошку с собакой.

Группа спецкурьеров официально именовалась «Три толстяка», хотя внешне они больше напоминали лосей – выглядели такими же могучими, подтянутыми и быстрыми. И оставалось отдать должное остроумию высокого начальства, надумавшего назвать так эту группу.

Один-два раза в месяц в лагерь из Свердловска приезжала машина с металлическим контейнером в сопровождении трех автоматчиков, которые, передав груз, немедленно исчезали. О доставке груза группе сообщал лично начальник лагеря. При этом он никогда не задерживался в землянке, отведенной для проживания спецгруппы, очевидно, исполняя четкие инструкции. Смершевец великодушно выслушивал рапорт начальника лагеря и легким кивком головы отпускал его с миром.

Барин лагеря, полковник Лавров Глеб Кириллович, был фигурой во всех отношениях колоритной. Под два метра ростом, с абсолютно лысым черепом и бесцветными бровями, со стороны он выглядел каким-то нескладным-несуразным. Однако этот человек обладал недюжинной силой и, бывая в гневе, способен был в одиночку навести страх даже на толпу матерых уркаганов. Несмотря на нелепую внешность, он отличался живым умом и, как многие люди, обладавшие аналитическими способностями, предпочитал излагать свои мысли ясно и просто. Для него не существовало оттенков в отношениях с окружающими его людьми, а потому, не мудрствуя лукаво, он делил их на своих и чужих, а всех заключенных подразделял на «черную» и «красную» масти.

«Черными» были заключенные, угодившие в лагерь по уголовным статьям, а вот «красными» – политические, попавшие сюда по знаменитой пятьдесят восьмой.

Лагерь Лавров не просто знал – он его чувствовал! Еще совсем недавно ему казалось, что не существовало вещей, которые бы находились вне его понимания. Но в последнее время атмосфера в лагере как-то вдруг переменялась, стала, несмотря на внешнюю безмятежность, какой-то напряженной. Прекратились даже драки между «красными» и «черными», которые нередко заканчивались серьезными последствиями. Подобное настроение больше напоминало затишье перед бурей, а она, судя по контингенту, который парился в зоне, могла разразиться нешуточными громами.

В самом объединении сук и блатных было что-то противоестественное. Они стояли на разных полюсах уголовного и житейского миров, каждый из них имел не только свои взгляды на жизнь, но и собственных апостолов. Легче было бы ухитриться смешать воду и пламя, чем увидеть их однажды сидящими за одним столом. Однако невозможное случилось. Уже третий

день Лавров наблюдал за тем, как «красные» и «черные», объединившись в единые семьи, хлебали постную лагерную баланду.

Лаврову не хотелось верить собственным глазам, ведь каких-то полгода назад в лагере произошла серьезная заваруха, в результате которой шесть человек были заколоты заточками, и только оперативное вмешательство караула предотвратило междоусобное истребление.

А может, на заключенных снизошла божья благодать и каждый из них готов был подставить для удара правую щеку своему ближнему, предварительно уже схлопотав по левой? Вряд ли! Подобное может случиться разве что в богадельне, где старички стоят в шаге от смертного часа, а там, где находятся здоровые мужики и где жизнь, даже при самых невыносимых условиях, представляется нескончаемой, подобного не происходит. Так что не стоит тешить себя иллюзиями о каком-то там всепрощении. Оставалось ломать голову о том, какие такие обстоятельства заставили врагов броситься в объятия друг другу.

Имелся и еще один вопрос, который очень беспокоил Лаврова, – спецкурьеры подразделения «Три толстяка». Глебу Кирилловичу было известно, что за шутовским названием этой группы стояли очень серьезные силы и даже рядовой обладал такими полномочиями, о которых не помышлял и он, начальник лагеря, обремененный полковничьими погонами. Чего стоит одно лишь предписание, в котором прямо было указано, что в случае служебной необходимости начальник лагеря обязан безоговорочно выполнять распоряжения начальника этой таинственной группы.

Сложность ситуации заключалась в том, что трудновато было определить, в какой именно момент рабочие отношения переходят в разряд служебной необходимости. А потому Лавров, чтобы избежать осложнений по службе, потакал едва ли не любому желанию каждого из троих.

Но главная его обязанность заключалась в том, чтобы своевременно сообщать «Трем толстякам» о приближении машины с грузом, направляющейся сюда из подобного же лагеря, расположенного на речке Вишере, в нескольких десятках километров. Грузовик приезжал не часто, всего лишь один раз в две недели, но для всего лагеря это было событие. Глеб Кириллович выставлял дополнительное оцепление на внешнем периметре зоны, и уже за пять километров от лагеря машину встречало отделение автоматчиков. В общем-то, к грузу допускались только «Три толстяка», а автоматчики стояли на значительном расстоянии и лишь наблюдали за тем, как курьеры переносят металлический контейнер в землянку.

Из всего персонала лагеря только одному Лаврову было известно, что в стену землянки вмонтирован несгораемый шкаф. Закамуфлированный под бревна, он практически был невидим в стене. Эта искусная работа, непонятно, для чего нужная, потребовала немалого мастерства. Человек, который ее выполнил, был в своем деле большой дока. Да и сама землянка была непростой, а люди, которые ее вырыли, наверняка до этого отстроили не один земляной город.

В землянку Лавров приходил лишь для того, чтобы сообщить майору Коробову о прибытии машины. Дальше прихожей он не ступал – останавливался перед крепко сбитой дверью, которая отгораживала жилое помещение от нежилого. Только однажды, когда потребовалось вдруг подписать какие-то бумаги, Коробов не без колебания пропустил начальника лагеря внутрь, позволив ему тем самым рассмотреть обстановку. Вот тогда Глеб Кириллович и заметил сейф, замаскированный под бревенчатую стену.

Звонок из управления прозвенел в семь часов утра. Куратор сообщил, что машина с контейнером уже выехала и должна прибыть около пяти вечера. У Лаврова были кое-какие предположения о ценности секретного груза, но вслух он не высказывался. Иначе не был бы полковником и начальником лагеря.

Ясно было лишь то, что в землянке контейнеру пребывать недолго. Обычно на следующий день подъезжал точно такой же грузовик, который и забирал контейнер. Маршрут, по

которому проедет машина, был строго засекречен, но Лавров догадывался, что автомобиль отправлялся в сторону военного аэропорта, расположенного в пятидесяти километрах, за горной цепью. Конечный пункт назначения оставался тайной, а житейский и служебный опыт подсказывал Глебу Кирилловичу, что не стоит проявлять любопытства, жизнь дороже.

Одевшись, полковник Лавров направился в землянку, чтобы сообщить спецгруппе о прибытии груза.

Между собой локалки соединялись короткими переходами, которые разделялись крепкими металлическими дверями. У каждого КПП постоянно стоял дежурный из актива. Нацепив на рукава красную повязку, заключенные, которых все остальные называли ссучившимися, ревностно несли службу. В этот раз у входа в КПП стояли двое активистов. Всмотревшись, полковник Лавров не без удивления признал в них прежних блатных – они влились в многочисленную прослойку «сук» и, не стесняясь, по-хозяйски расхаживали у КПП. Погоняло одного из них было Король, парень из бывших беспризорников – вот уж кого нельзя было заподозрить в любви к красному цвету!

Неожиданно Король обернулся, и Лавров, встретившись с ним взглядом, внутренне содрогнулся. Бывший блатной смотрел дерзко, с нескрываемым вызовом, и его физиономия Глебу Кирилловичу откровенно не понравилась. Король попытался даже улыбнуться, как если бы заприметил старого знакомого. Дескать, теперь мы с тобой, гражданин начальник, одним цветом укрываемся! Но Лавров отвернулся, сделав вид, что ничего не произошло. Ведь какую-то неделю назад заключенные боялись и глаза на хозяина поднять, а тут, нате вам, рожи корчат!

В увиденное не хотелось верить, ведь еще вчера эти люди были стопроцентные «отрицалы», и речи не могло быть о том, что блатные способны встать на «путь исправления». Но, судя по их довольному виду, о своем выборе они не сожалели. Пусть на презрение бывших приятелей им и наплевать, но ведь отступники могли получить за измену заточку в бок.

Конечно, у КПП можно было бы поставить солдат, но конвойная рота была недоукомплектована, а потому для охраны ворот приходилось привлекать актив, пообещав взамен скорое расконвоирование.

В лагере творилось что-то непонятное. А подобные вещи полковник Лавров давно привык раскладывать по полочкам в силу своего характера и склада ума.

Заложив руки за спину, Лавров направился в землянку спецкурьеров. Будто бы предчувствуя приход гостя, дверь неожиданно распахнулась, и на порог вышел руководитель группы – майор Григорий Коробов. Лавров невольно поежился. Он уже давно обратил внимание на то, что кто-нибудь из этой троицы появлялся всякий раз в тот самый момент, когда он приближался к землянке, и это при том, что они целыми днями могли вообще не выходить из землянки, уподобившись кротам. Создавалось впечатление, что он как будто бы пересекал некую пограничную зону, на которой были установлены хитрые приборы, тотчас подающие сигнал о появлении чужака. Но полковник Лавров совершенно точно знал, что вокруг землянки не было ни контрольной полосы, ни каких бы то ни было контрольных приборов.

Коробов всегда рассматривал полковника Лаврова с таким интересом, будто бы знал о нем нечто такое, из-за чего того могли бы оставить в лагере уже в качестве заключенного. Глеб Кириллович гнал от себя подобные мысли, но они были навязчивы и все равно лезли, будто клопы на свежую кровь.

Майор Коробов терпеливо дожидался приближения начальника лагеря. Поздоровались они сдержанно, почти сухо. Лавров обратил внимание на то, что Коробов никогда не начинал говорить первым, он умело выдерживал паузу, при этом смотрел прямо в глаза собеседнику, и создавалось ощущение, что он дожидается немедленного доклада. Полковник Лавров, не выдерживая взгляда колючих нацеленных глаз, всегда первым прерывал молчание.

В этот раз Глеб Кириллович решил держаться до конца. Пауза все длилась, а сдаваться Коробов не собирался. В конце концов затянувшееся молчание стало почти неприличным,

и в этот самый момент Коробов слегка улыбнулся, как бы подбадривая. Мол, ну что же ты, полковник, медлишь? И Лавров не выдержал, заговорил спокойно и размеренно:

– Грузовик с контейнером подъедет около пяти вечера. – Он замолчал, но, так и не дождавшись ответа, продолжил: – У нас все готово.

– Хорошо.

Под словами «все готово» подразумевалось выдвижение автоматчиков навстречу грузовику. Солдаты растянутся в длинную цепь, находясь друг от друга в пределах визуального наблюдения, чтобы встретить подъезжающий автомобиль.

– Ладно, я пойду, у меня дела! – И, коротко кивнув на прощание, полковник затопал в обратную сторону.

Немалая неприятность заключалась в том, что уже третий месяц Лавров не мог добиться выполнения плана по добыче палладия. План без конца повышали. Начальнику лагеря приходилось собственными силами разведывать перспективные месторождения, для чего он привлекал к работе заключенных-геологов. И не зря. Повод для оптимизма все же был: пару месяцев назад два расконвоированных геолога заявили, что обнаружили перспективную жилу, сплошь состоящую из палладиевых минералов. В доказательство они даже приволокли пятикилограммовую друзу, усыпанную черными кубическими кристаллами. Вещь эта была, безусловно, красивая, она производила впечатление на всякого. Лавров даже торжественно установил ее в своем кабинете, но, как впоследствии оказалось, эта друза была едва ли не единственной из той «перспективной» жилы. А ведь он уже успел сообщить о новом месторождении в центр!

На следующий день после обнаружения жилы Глеб Кириллович пригнал к этому месту около трехсот заключенных с кирками и велел не пропускать даже самого крохотного гнезда, но жила оказалась небогатой.

Война заканчивалась, немцев добывали в Германии. Наверное, в стране произошли какие-то существенные перемены, если теперь требовалось столь значительное количество платиновых металлов. Раньше такого не наблюдалось. Причем изумруды, которым они частенько сопутствовали, воспринимались всего лишь как сопутствующее сырье, и богатая ими порода безо всякого сожаления свозилась в отвалы.

Послабления наблюдались даже в содержании заключенных. Взять хотя бы тех же самых бедолаг-геологов. Ведь до войны каждому из них за ошибочные прогнозы о запасах месторождений давали по пятнадцать лет лагерей. Однако сейчас толковые специалисты вдруг неожиданно стали востребованными и теперь, уже в качестве расконвоированных, занимались поисками платиновой руды, уходя от лагеря за многие километры. Да и за профессиональные ошибки сейчас карали куда меньше прежнего – попеняют малость и отправят геолога дальше сбивать ноги в маршрутах.

Хозяйство у Лаврова было огромным. Помимо лагеря, в окрестностях которого шла заготовка леса, в его ведении было четыре карьера. В первом добывали асбест, в вот во втором, третьем и четвертом велись разработки платины и этого клятого палладия.

Начальство, сидевшее в уютном Свердловске, требовало расширять поисковые работы на платину и другие цветные металлы. На речушке, отстоящей от лагеря километрах в четырех, вдруг обнаружили серьезные проявления золота. Недавно взятые пробы следовало перепроверить, дело было слишком серьезным. С одной стороны, это как будто бы неплохо. Почему бы государству не заполучить еще одно месторождение золота, но, с другой стороны, это было чревато дополнительными сложностями, главная из которых заключалась в том, что катастрофически не хватало личного состава для конвоирования заключенных. А если запустить в строй еще один прииск, то придется уменьшить охрану в самом лагере. Впрочем, существовал еще один выход, правда, весьма рискованный. В лагере было много политических и тех, кто угодил в неволю по недоразумению. Были и такие, кто успел немало повоевать, их называли автомат-

чиками, некоторые из бывших фронтовиков находились на положении расконвоированных и проживали за пределами лагеря в двух больших бараках. Почему бы в качестве эксперимента не дать им в руки оружие, чтобы охраняли заключенных? В этом случае отпадут многие проблемы. Например, охрану золотого прииска можно будет поручить расконвоированным, а на перспективную жилу платины отправить солдат.

Свои соображения Глеб Кириллович направил в центр еще три месяца назад и теперь с некоторым волнением ожидал ответа. Задумавшись, он прошел через ворота КПП и тут обратил внимание на то, что у входа в локалку дежурит еще один блатной с погонялом Гвоздь, отъявленный рецидивист с двадцатилетним сроком за плечами. «И он, значит, в актив подался! – едва не крикнул от удивления Лавров. – Каких только чудес не бывает на свете!»

Полковник Лавров вышел за территорию зоны и направился к дому. Благо квартировал полковник неподалеку, в каких-то полутора километрах от первого КПП. А из окон второго этажа его квартиры просматривалась даже промышленная зона.

– Товарищ полковник, – услышал он за спиной чей-то встревоженный голос.

Обернувшись, Глеб Кириллович увидел, что к нему бежит писарь. А это что еще за новости! Внутри ворохнулось нехорошее предчувствие.

– Что случилось?

– Только что был звонок из Свердловска, товарищ полковник. Вас просили срочно вернуться в штаб.

– Опять! – в сердцах проронил Лавров. – Что им еще нужно?

– Не сказали.

– И не скажут, – заметил полковник.

Глеб Кириллович не терпел, когда в службу вдруг вмешивались неожиданные обстоятельства. Его принцип был таков – даже самая суровая служба должна протекать размеренно и обстоятельно. Например, сейчас его ожидал куриный суп, от которого он не намерен был отказываться. Затем получасовой отдых, когда можно будет, сидя на крыльце, выкурить пару папирос. А если накатит подходящее настроение, то можно будет задержаться и еще на полчаса, взгромоздиться на безотказную женушку и выполнить незамысловатый супружеский долг.

Запланированный график полетел к черту только потому, что кто-то надумал позвонить в неурочный час. Чертыхнувшись, Лавров пошел следом за курьером, мысленно костеря неумное начальство. Поднявшись к себе в кабинет, Глеб Кириллович поднял трубку.

– Лавров на проводе.

– Как дела, Глеб Кириллович? – услышал он хриловатый голос генерал-майора Савицкого, заместителя начальника управления по оперативным вопросам.

В действительности круг обязанностей Савицкого был значительно шире, а все потому, что он имел большое влияние на начальника управления. Поговаривали, что в Москве генерал-майор располагал серьезными связями и ни одно принципиальное решение, принимаемое по местным вопросам, не обходилось без его участия.

– Жаловаться грех.

– Рад за тебя. Знаешь, оказывается, не только ты просишь, чтобы разрешили расконвоированным доверить оружие. Народу всюду катастрофически не хватает. Мужики-то все пока еще на фронте. Мы тут подумали и решили, что при необходимости оружие можно выдать самым проверенным... Стволы у тебя лишние найдутся или все-таки подкинуть?

Лавров облегченно вздохнул. Значит, будет возможность заняться и золотишком.

– Своего хватит на два взвода.

– Этого достаточно?

– Вполне. Когда я могу получить официальный приказ?

– Значит, торопишься?

– Хотелось бы заняться отмывкой золота, а потом мы тут вышли на две крупные платиновые жилы. Хочу проверить, насколько они перспективные. Ведь надо же кому-то охранять заключенных, иначе они просто все разбегутся!

– Конвойная рота у тебя недоукомплектована?

– Так точно.

– Оружие расконвоированным можешь выдать хоть сегодня, – утешил генерал-майор. –

Но за все отвечаешь лично!

– Прошу письменный приказ.

– Брось ты разводить бюрократию!

– Понял! – ответил Лавров. – Сегодня я не успею, но вот завтра попробую.

– Сколько человек ты думаешь вооружить?

– Для начала раздам двадцать карабинов. Километрах в пятнадцати есть перспективный на драгметаллы рудник, можно попробовать с него.

– Хорошо, – раздался в ответ бодрый голос Савицкого. – Мужик ты с головой, глупостей не наделаешь. Тут к тебе еще одно дело имеется.

Лаврову показалось, что голос Савицкого теперь прозвучал как будто бы вкрадчиво.

– Что за дело? – Глеб Кириллович попытался не выдать своей настороженности.

– Грузовик ты отправил?

– Да, он уехал в тот же день.

– Хорошо. Завтра жди еще один грузовик с «картошкой», подъедут в восемь тридцать.

Оформишь все так, как раньше.

Кодовое слово «картошка» подразумевало очень серьезный груз.

– Сделаю! – уверенно отозвался полковник.

– Я на тебя надеюсь.

Голос генерал-майора прозвучал как-то натянуто. Но у полковника с Савицким были не столь приятельские отношения, чтобы спрашивать о том, что же так взволновало начальство.

Глава 2

ПРИЕМ ГРУЗА

Ровно в восемь утра полковник Лавров отдал распоряжение готовиться к приему важного груза.

Машина с контейнером никогда не стояла у КПП. Барин обязан был проследить за ее беспрепятственным продвижением. Ворота должны быть распахнуты, а полуприцеп безостановочно и на большой скорости обязан проследовать к землянке, где ее будет ждать спецгруппа.

В момент проезда грузовика лагерь словно вымирал, заключенных загоняли в бараки, а караульный взвод, усиливая режим, занимал позиции на подходе к зоне.

Так было и в этот раз.

У начальника лагеря была еще одна обязанность – он должен был лично присутствовать при передаче секретного груза. Обычно Лавров всегда стоял немного поодаль и смиренно наблюдал за тем, как контейнер переходит из одних рук в другие.

Заложив руки за спину, Глеб Кириллович направился к землянке.

Вся операция была распланирована с точностью до одной минуты. «Смерш» вообще отличался редкой въедливостью и пунктуальностью, и любое отклонение от намеченного плана воспринималось его представителями как грубейшее нарушение. А тут прошло уже более получаса, а машина все не появлялась. Что-то пошло не так. Глеб Кириллович поймал себя на том, что кулаки его невольно сжались. Даже солдаты конвойного взвода слегка погрузстнели, проявляя некоторое нетерпение. Выдержанными оставались только члены спецгруппы «Три толстяка» – рядовой и капитан стояли у входа в землянку, а майор Коробов занимал позицию немного поодаль. Иногда троица обменивалась короткими малозначащими репликами, после чего они вновь надолго замолкали.

Машина появилась только через сорок пять минут. Сначала стало слышно глухое утробное урчание двигателя, неожиданно усиливающееся порывами ветра – машина пробиралась по распадку, – а затем показалась и крытая полуприцеп. По проселочной дороге, будто предвещая дымка, стелилась поднятая пыль, а машина, жестковато подпрыгивая рессорами на кочках, стремительно приближалась. Не сбавляя скорости перед распахнутыми воротами, грузовик проскочил на территорию зоны и уверенно покотился в сторону землянки спецгруппы.

Солдаты проводили грузовик скупаящими взглядами, а полковник Лавров двинулся по направлению к машине. В одном из разговоров с ним Коробов как-то обмолвился о том, что машина заминирована и тотчас взорвется, если кому-то вздумается самовольно изъять контейнер с грузом. Разблокировать автомобиль может только офицер сопровождения.

Суховато кивнув подошедшему начальнику зоны, прибывший майор посмотрел куда-то поверх голов выстроившихся солдат и, спрыгнув на землю, направился к спецкурьерам. Из кузова за ним выпрыгнули двое молодых солдат. Слегка поднатужившись, они подняли небольшой опломбированный ящик и понесли его следом за офицером. Майор, приблизившись к спецкурьерам на расстояние вытянутой руки, привычно вскинул ладонь к правому виску и коротко доложил о прибытии.

Суть их короткого разговора всегда оставалась для Лаврова тайной. Почему бы ему не подойти поближе и не послушать, о чем идет разговор? Что ему мешает? В конце концов, землянка располагается на территории его лагеря. Да и формального запрета на этот счет не было.

Глеб Кириллович неторопливо сделал вперед несколько шагов. Внезапно солдат из спецгруппы, стоящий к нему ближе всех, повернул голову и холодно посмотрел в его сторону. В

поведении рядового Куприянова отсутствовала всякая угроза, просто кончики пальцев слегка скользнули по противотанковой гранате, пристегнутой к поясу.

«Все! Дальше двигаться нежелательно», – решил для себя Лавров. Следующий шаг Куприянов может воспринимать как пересечение контрольно-следовой полосы на государственной границе.

Лавров остановился и равнодушно посмотрел в сторону. Никогда прежде он не подходил так близко к «Трем толстякам» и сейчас видел, что парочку – капитана и бойца – кроме внешнего сходства связывает и предельная подозрительность. Прибывший курьер с майорскими погонами также с некоторым интересом взглянул на подошедшего полковника. И от столь откровенного любопытства у Глеба Кирилловича по спине пробежал холодок. Эта троица, как и приезжий офицер, не имела никакого отношения к НКВД, но их полномочия были гораздо выше, чем у него самого. А не лежит ли где-нибудь в кармане у майора Коробова предписание стрелять на поражение в случае неожиданного приближения кого бы то ни было?

Остановившись чуток позади майора, солдаты мягко установили ящик на землю. Скопив недобрый взгляд на подошедшего начальника зоны, прибывший бодрым голосом сказал:

– Груз сдан.

– Груз принят, – ответил Коробов.

– Напоминаю... За разглашение государственной тайны – расстрел! За любую сбитую пломбу – расстрел! За несвоевременную доставку груза к месту назначения – расстрел!

Старший группы майор Коробов заметно скучал, подобные страшилки он слышал едва ли не каждую неделю, а потому успел привыкнуть. Однако шутки тоже не уместны, их могут и не понять.

Козырнув, Коробов приказал Куприянову:

– Забирайте.

Далее не последовало ни прощального рукопожатия, ни единого дружеского слова. Просто все одновременно развернулись на каблуках и двинулись каждый в свою сторону.

И ни полковник Лавров, ни кто-либо еще из персонала лагеря не знали, что совсем недавно, еще в начале февраля этого вот сорок пятого года, все трое членов таинственной группы «Три толстяка» служили очень далеко от Урала. Они прибыли из Ялты, с Южного берега Крыма, а прислали их сюда такие люди, чьи фамилии даже и вспоминать страшно.

Глава 3

ЗА ВСЕ НАДО ПЛАТИТЬ

То, что гитлеровские спецслужбы не будут бездействовать, было ясно. Трудно удержаться от соблазна и, даже находясь при последнем издыхании, не попытаться разузнать, что делают в Ялте «Три толстяка», как называл абвер в своих донесениях большую тройку, а в случае безумной удачи не попробовать прихлопнуть ее. Но никто из советской контрразведки не ожидал от немцев особой активности. Да и что они могли в феврале сорок пятого? Выслать, например, дальнебомбардировочную авиацию и попытаться устроить из Ялты второй Ковентри? Или выбросить десант во главе с каким-нибудь Отто Скорцени, которому в сорок третьем удалось выручить арестованного Муссолини?

Нет, прошли те времена. Немногочисленные фронтовые бомбардировщики люфтваффе, еще способные вести боевые действия, до Южного берега Крыма не дотягивали, а дальней авиации к этому моменту у немцев вообще уже не было. Да и кто бы ее сюда допустил?! А уж идея морского десанта, каких-нибудь боевых пловцов, высаженных с подводной лодки, так это вообще из области горячего бреда.

Конечно, у немцев была какая-то агентура, оставленная при отступлении, она работала, иногда выходила на связь по радио, но Берия уверил Верховного, что неприятных сюрпризов ожидать не стоит, рабочую обстановку конференции «Аргонавт», или Ялтинской встречи, не посмеет нарушить ни один вражеский агент.

Выслушав доклад Лаврентия Павловича, Сталин удовлетворенно кивнул. Ответственность была велика, и Берия прекрасно осознавал, что с ним может случиться в случае малейшей угрозы проведения конференции. Лучше перебдеть, чем недобдеть, а потому большое внимание было решено уделить дезинформации о климатических условиях, и даже в официальных сводках сообщалось о том, что Крым окутали сплошные туманы. Однако действительность была совершенно иной, все это время в Ялте, зажатой с двух сторон предгорьями, было солнечно, и Верховный очень надеялся, что такая погода продержится до конца конференции.

Сталин спустился с крыльца и, прищурившись, посмотрел на спокойное море. Было солнечно, на небе не было видно даже крохотного облачка. С трудом верилось, что всего лишь несколько дней назад он оставил морозную Москву с ее нештучными февральскими метелями. Собственно, стремительный переход из одного климатического пояса в другой всегда напоминает небольшое чудо. Сознание не успевает перестроиться, приспособиться к быстро меняющейся обстановке, а память продолжает цепко удерживать привычные картинки, и поэтому всегда требуется некоторое время, чтобы вжиться в новую реальность.

От Юсуповского дворца, где размещалось советское представительство, до Воронцовского, в котором расположился Черчилль с сопровождающими, было минут сорок езды. Для Крымского полуострова расстояние большое, но Сталину нравилось разъезжать в машине. А потом была неплохая возможность поближе познакомиться с природой Крыма, который он любил, тем более что нужно было ехать по самым живописным местам.

Выйдя из дворца, Иосиф Виссарионович неторопливым шагом направился к автомобилю, стоявшему недалеко от входа. Территория поместья выглядела пустынной – охрана умела быть незаметной, – только в самых дальних концах сада ненавязчиво прохаживались три фигуры.

Ординарец расторопно распахнул перед Сталиным заднюю дверцу автомобиля, и он, подобрав левой рукой полы шинели, устроился на заднем сиденье. Коротко просигналив, машина выехала за территорию дворца. Уже за оградой к ней присоединилось еще шесть лег-

ковых автомобилей, точно таких же. Так что в случае возможного нападения диверсантам вряд ли удастся выяснить, в какой именно машине едет Верховный Главнокомандующий. Впереди и позади колонны на обыкновенных полуторках разместилось по взводу автоматчиков, готовых открыть огонь на поражение при любой угрозе автоколонне. Далее через каждые сто метров на протяжении почти сорока километров стояли солдаты НКВД, способные в случае опасности образовать живой щит. Автомобиль проезжал мимо бойцов на приличной скорости, и Сталин, поглядывая в окно, видел, как они приподнимали в почтении подбородки.

Первые два заседания проходили в Юсуповском дворце, а потому Сталину, по праву гостеприимного хозяина, полагалось сделать ответный визит. И первым, кого он собирался навестить, был премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль.

Английского премьера давно уже называли хитрым лисом. И надо признать, на то были свои серьезные основания – никогда нельзя было понять, какого размера кукиш старый британец держит в кармане во время непростых разговоров. Как прирожденный дипломат, Черчилль способен был расточать любезные улыбки, на грани фола шутить с женами глав государств и сполна эксплуатировать свою внешность беспечного добряка, любящего вкусно поесть и крепко выпить. Однако подлинную натуру Черчилля, без сомнения, великого государственного деятеля, выдавал его тяжеловатый взгляд, которым он оценивал окружающих. Скорее всего он был помесью хитрого лиса с породистым бульдогом. Такому лучше не попадаться – схватит крепкими челюстями и будет потрошить до тех самых пор, пока не вывернет душу наизнанку.

В машине было комфортно, над дорогой поработали военные строители, нельзя сказать, чтобы она была совсем без колдобин, но и фронтовой такую уже не назовешь, а потому можно было немного предаться воспоминаниям.

Сталин вспомнил о своей первой встрече с Черчиллем в Москве. Британский премьер, прищурив и без того крохотные глаза, долго рассматривал его неподвижным и тяжеловатым взглядом. Где-то внутри Сталина зародился неприятный холодок. Какой к черту лис?! Перед ним был зверь куда более серьезный! И если ему дать побольше свободы, так он своими могучими челюстями обязательно вцепится в «мягкое подбрюшье Европы». Сам британец любил так называть Балканы и прилегающие к ним территории и всеми силами старался не допустить там советского влияния. За доброжелательной располагающей улыбкой Сталин попытался тогда спрятать беспокойство и больше, чем следовало бы, задержал пухлую, но крепкую ладонь Черчилля в своей руке. Иосифу Виссарионовичу очень хотелось верить, что нечто подобное Уинстон Черчилль испытывает и по отношению к нему. Однако рассмотреть не сумел – тайна пряталась за хитрым прищуром тяжеловатых век.

Вот и сегодняшний разговор в Воронцовском дворце обещал быть непростым, но его окончательный результат обязан был остаться за Советским Союзом. Этому способствовали успешные наступательные действия на всех фронтах, а также та тщательность, с которой советская сторона готовилась к предстоящим переговорам. В переговорах по разделу мира мелочей не существует, весомое значение имеет и место, где будет проходить встреча, а потому Сталин настоял именно на Ялте. В какой-то степени солнце и мягкий крымский климат должны были нейтрализовать несговорчивость западных союзников.

После первого общения с британским премьером Сталин сделал вывод, что тот склонен отвлекаться от заранее установленной повестки дня и был горазд порассуждать на отвлеченные темы. А потому следовало быть готовым к любому развитию событий и, чтобы обезопасить себя от неожиданных вопросов, как можно больше узнать даже о частной жизни премьер-министра Великобритании.

Уже через день на стол Сталину положили подробные записки о неофициальной стороне жизни Уинстона Черчилля. Здесь имелись сведения частного характера. Как выяснилось, старший сын премьера сильно выпивал, вторая дочь была бездарненькой актрисой, а души он не

чаял в младшенькой, которая лицом и характером была настоящим ангелом, звали ее Мэри. Прочитав доклад, Сталин нашел его весьма любопытным. Теперь он знал о привычках Черчилля, располагал информацией, чем тот бывает занят в короткий досуг, и имел представление о его многочисленных пристрастиях. Удовлетворяя собственное любопытство, Сталин прочитал даже записку о предках Черчилля. Через пару дней он был не только в курсе того, что предпочитает премьер-министр за завтраком, но и разобрался в его представительной родословной даже лучше, чем в собственной, откровенно говоря, весьма туманной.

Сталин обратил внимание на тот факт, что дед Черчилля воевал на Крымской войне и погиб где-то под Балаклавой. Поэтому не следует удивляться тому, если британский премьер-министр вдруг пожелает проехаться по местам Крымской войны. Набив трубку табачком, Сталин захотел закурить, но машину неожиданно потрянуло, и часть табака высыпалась на шинель.

– Извините, товарищ Сталин, – повернулся белокурый водитель. – Колдобина большая. Никак не объехать. Я уж тут скорость сбросил.

Сталин великодушно махнул рукой и отряхнул с сукна шинели просыпавшийся табак.

– Ничего... Езжай дальше, только поаккуратнее.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Крымская война – не самая успешная страница в русской истории. После побед русской армии над турецкими войсками союзники – Англия и Франция предприняли блокаду Балтийского моря, после чего высадили десант в Крыму и совместными усилиями осадили Севастополь при поддержке все тех же турок и даже итальянского Сардинского королевства. Крымская кампания завершилась невыгодным для России Парижским миром.

Оставалось только выработать верную линию поведения при беседе с Черчиллем и не сбиваться с нее даже тогда, когда речь пойдет о предке премьер-министра, похороненном в российской земле.

Через полчаса автомобиль подъехал к Воронцовскому дворцу. На последних нескольких километрах Сталин приказал водителю сбавить скорость, чтобы выгадать еще несколько минут для подготовки к встрече.

Уинстон Черчилль появился на крыльце Воронцовского дворца в тот самый момент, когда автомобиль Верховного Главнокомандующего въезжал на территорию дворца. Дипломатия – очень тонкая материя, здесь обычно просчитывается каждый шаг, выверяется всякое движение, даже интонации в разговоре имеют значительную силу. А ожидание на крыльце – это верх дипломатического искусства. Нужно умело соблюсти именно те временные пропорции, при которых встречающая сторона не становится заложником собственной вежливости. И в то же время нужно дать понять, что прибывающий гость человек в высшей степени желанный.

Сталин посмотрел в окно. Черчилль, запахнув на большом животе шинель, терпеливо дожидался его приближения. Малоподвижный, толстый, он напоминал пародию на классические статуи. Огромная толстая сигара, застывшая в самом уголке его рта, вспыхивала красным кружком. Премьер-министр затягивался дымком, и это был едва ли не единственный признак, который отличал его от неодушевленных предметов дворца, построенного в стиле английского классицизма.

Сталин не спешил выходить, он как будто бы наслаждался ожиданием Черчилля. Вот наконец неторопливо распахнулась дверца автомобиля, и он выбрался из салона. Затем повернулся к сопровождавшему его адъютанту, что-то сказал, и тот, качнув головой, было ответил. Между Сталиным и Черчиллем расстояние быстро всего лишь метров в пятьдесят. Но Иосиф Виссарионович вел себя так, как будто бы намеревался преодолеть это расстояние только к завтрашнему утру.

Поведение советского лидера впору было назвать неуважительным, если бы в этот самый момент он не кивнул Черчиллю, приветливо улыбнувшись. Что-то сказав через плечо подо-

шедшему Берии, Сталин размеренно зашагал по дорожке, выложенной булыжником. Расстояние можно было бы пройти в два раза быстрее, но Верховный Главнокомандующий специально шел с такой скоростью, чтобы заставить Черчилля постоять на крыльце дополнительные несколько секунд. В этом он весь, Дядюшка Джо! Политический пасьянс – вещь очень тонкая. Кроме умения раскидывать карты на мировой арене, здесь требуется еще и звериная интуиция, чтобы почувствовать настроение соперника.

Иосиф Виссарионович поднялся по ступеням и, улыбнувшись, протянул Черчиллю руку.
– Здравствуй, товарищ Черчилль, – уверенно произнес он.

Валентин Бережков, переводчик Сталина, высокий сухощавый парень двадцати с небольшим лет, быстро перевел сказанное.

На какое-то время челюсть премьер-министра отвисла. Сталину даже показалось, что сейчас толстенная сигара свалится на мраморные ступени. Но нет, казуса не произошло, в следующую секунду он уверенно сжал конец сигары толстыми губами и недоуменно посмотрел на своего переводчика, как бы спрашивая: «А правильно ли я понял смысл?» В ответ тот лишь слегка кивнул, рассеяв тем самым недоумение Черчилля.

– Хм... Здравствуй, господин Сталин, – ответил британский премьер-министр после некоторой паузы, крепко пожимая при этом руку Иосифу Виссарионовичу.

В искусстве дипломатии отсутствуют случайные вещи. А потому не следовало удивляться тому, что переговоры между Уинстоном Черчиллем и Иосифом Сталиным проходили за круглым столом, что подразумевало равенство высоких договаривающихся сторон. Сталин и Черчилль умело лепили улыбки и с интересом рассматривали друг друга. Единственное неудобство заключалось в том, что невозможно было положить руки на стол, и оттого локти Черчилля не находили покоя. Правда, очень удобен был стул. Широкий, как раз по его фигуре, и в меру высок.

Сегодняшнюю встречу британский премьер-министр считал удачной – от Дядюшки Джо было получено принципиальное согласие о вступлении Советского Союза в войну с Японией через два-три месяца после капитуляции Германии. Хотя в этом соглашении наблюдалось несколько шероховатых моментов, но их можно было разрешить в процессе дальнейших переговоров.

Черчиллю очень не терпелось перебраться на мягкий диван, где можно было бы продолжить нелегкий диалог, но он никак не мог подыскать подходящего повода. Любое перемещение от стола подразумевает переход к иному, возможно более легкому направлению беседы, а Сталин, судя по интонациям, оставался серьезен и не был пока расположен уходить с деловой волны.

– Я ведь очень давно хотел побывать в Крыму и очень рад, что моя мечта наконец осуществилась, – произнес Черчилль. Сталин понимающе закивал. – Дело в том, что здесь, под Балаклавой, похоронен мой дед, лорд Раглан из рода Мальборо. Он погиб в Крымскую войну.

Молодой переводчик, слегка наклонившись к Сталину, перевел сказанное. Иосиф Виссарионович удовлетворенно кивнул.

– Я знаю об этом, товарищ Черчилль, – спокойно отреагировал Сталин. – Я сегодня же отдам распоряжение, чтобы вы смогли посетить могилу своего деда. Он, безусловно, был выдающимся человеком.

Черчилль удовлетворенно закивал.

– О да! Он преумножил славу нашего рода.

– Вы можете спокойно передвигаться по Крыму. Я вам выделю сопровождение.

– Это было бы замечательно.

– Если вы желаете, то можете отправиться прямо сегодня!

Черчилль внимательно посмотрел на Сталина. Похоже было, что тот не шутил, хотя в остроумии ему не откажешь. Уинстон Черчилль обратил внимание на то, что за время продолжительного разговора Сталин почти не вынимал изо рта пустую трубку. Дважды он намеревался набить ее, но всякий раз откладывал коробку с табаком в сторону.

– Кажется, на сегодня наша деловая встреча подошла к концу, – заметил наконец Сталин. – А не отметить ли нам достойно ее завершение? Моя разведка донесла мне о том, что товарищ Черчилль, кроме форели, своей жены Клементины и дочери Мэри, любит еще одну вещь.

Сталин весело расхохотался. Уинстон Черчилль с недоумением посмотрел на переводчика. Интересно, что же в этот раз так развеселило этого всемогущего человека? И когда тот перевел, спросил:

– И что же?

– Товарищ Черчилль любит настоящий армянский коньяк! – Повернувшись к ординарцу, который находился здесь же, Сталин энергично скомандовал: – Приготовлено ли то, о чем я говорил?

Вскочив, тот бойко ответил:

– Так точно, товарищ Сталин. У меня все с собой.

– Тогда выкладывай.

По-деловому открыв чемодан, адъютант вытащил из него три бутылки армянского коньяка и торжественно установил их на стол. Уинстон Черчилль одобрительно закачал крупной головой.

– Это именно то, что я люблю больше всего, разумеется, после жены и дочери. Вижу, что господин Сталин подготовился к нашей встрече. Я знаю, что господин Сталин родом с Кавказа, где готовят очень острые мясные блюда. Хочу сказать, что английская разведка тоже не бездействовала, и она выяснила, что любимым блюдом мистера Сталина являются шашлыки и хорошо прожаренные бараньи ребрышки. – Толстая шея Черчилля энергично крутанулась. – Стив!.. Стив, дьявол тебя побери! Куда ты запропастился?!

В комнату с подносом в руках, на котором стояли два блюда с прожаренными ребрышками, вошел шеф-повар.

– Я здесь, сэр.

Расставив тарелки на столе, Стив достойно удалился.

Ординарец уже успел откупорить бутылку коньяка и как заправский официант, заложив одну руку за спину, разливал коньяк в большие тюльпановидные бокалы.

Сталин взял бокал за тонкую ножку и поднял его на уровень лица. Черчилль охотно последовал его примеру.

– Товарищ Черчилль правильно заметил, что я родом с Кавказа, и я действительно очень люблю шашлыки и прожаренные бараньи ребрышки. – Сталин говорил медленно, слегка растягивая слова. Голос у самого главного коммуниста Советского Союза был мягкий и очень проникновенный. Внешне Сталин всецело соответствовал своему прозвищу Дядюшка Джо. Под его обаяние можно было попасть в первые же минуты разговора, если не помнить о восточном коварстве, столь присущем этому человеку. – Но у нас на Кавказе есть еще один очень хороший обычай. Если нам нравится человек и мы испытываем к нему уважение, то от своего стола к его столу мы отправляем хороший напиток. Так вот, этот коньяк от своего стола я отсылаю к столу товарища Черчилля, – поставил Иосиф Виссарионович перед премьер-министром свой бокал.

Уинстон Черчилль внимательно выслушал перевод и понимающе закивал.

– Я слышал о таком обычае. Мне он очень нравится, – продолжал премьер-министр сжимать в толстых пальцах свой бокал. – Я с удовольствием принимаю этот подарок от господина Сталина. И хочу преподнести ему свой бокал. От моего стола к вашему столу! – поставил он перед Иосифом Виссарионовичем свой бокал с коньяком.

Подняв бокалы, оба выпили почти одновременно. Адъютант, стоявший рядом, мгновенно наполнил бокалы.

– Давно я не пробовал прожаренных ребрышек, – сообщил Сталин. Откусив небольшой сочный кусочек, он сообщил: – Повар товарища Черчилля знает толк в приготовлении мяса. Вкусно! – Приподняв бокал с коньяком, Иосиф Виссарионович произнес: – Товарищ Сталин не привык оставаться в долгу и от своего стола посылает вашему столу. – Вновь поставил перед Черчиллем бокал.

Премьер-министр с готовностью отложил ребрышки на край тарелки, взял за тонкую ножку свой бокал и проговорил:

– Не хочу оставаться невежливым перед господином Сталиным, а потому посылаю от своего стола вашему столу. – И мягко поставил свой бокал перед Иосифом Виссарионовичем.

Сталин рассмеялся, присутствующие дружно подхватили смех. Даже адъютант не сумел сдержать скупой улыбки. Выпили еще по бокалу, закусив прожаренным мясом.

Часа через три Иосиф Виссарионович, взглянув на часы, вдруг заторопился, объявив, что через час у него должен состояться срочный телефонный разговор с командующими фронтами. Остановившись у дверей, Сталин и Черчилль крепко обнялись и с минуту тискали друг друга за плечи, по-товарищески похлопывая по спине.

Встреча явно удалась.

Теперь Верховному предстояло подумать о том, чем заплатить за почти уже выторгованный кусок мирового пирога. Жизни солдат, которые придется отдать, вступив в войну с Японией, его интересовали мало, Советский Союз в этом случае куда больше приобретал. А вот чем платить в прямом смысле слова, в частности за поставки по ленд-лизу? Об этом надо было основательно поговорить с Лаврентием.

Не удержавшись, Иосиф Виссарионович погладил ладонью старинные гобелены, украшавшие стены Юсуповского дворца. Затем, заложив руки за спину, подошел к окну. Архитектор, построивший дворец, продумал буквально каждую мелочь, и из окон второго этажа открывался замечательный вид на окрестности поместья. Но главным чудом, конечно же, оставалось море. Светло-зеленое у берегов, оно все более густело на глубинах, пока наконец темно-широкой полосой не захлестывало горизонт. Берия отметил, что взгляд Хозяина несколько потеплел, перед его глазами открылась впечатляющая панорама – голубое небо, такое же бескрайнее, как и море. Две ипостаси, две несовместимости разлились в бескрайность, чтобы потом узкой темной полоской слиться далеко впереди.

– Сегодня Черчилль был в приподнятом настроении. Ты не знаешь, Лаврентий, с чего бы это? – повернулся Сталин к Берии.

По долгу службы Берии полагалось знать все. Тем более что сделать это было совершенно несложно – в покоях премьер-министра были установлены крохотные подслушивающие устройства, которые трудолюбиво считывали с носителя информации каждый чих.

– Знаю, Иосиф Виссарионович, – с готовностью ответил Берия, сделав шаг вперед. – Сегодня его шеф-повар Стив приготовил запеченную форель, и премьер-министр остался чрезвычайно доволен завтраком.

Иосиф Виссарионович расположился в кабинете бывшего владельца Юсуповского дворца. Комната была обставлена со вкусом, понятно, что в покоях продумывалась каждая деталь. Любая вещь притягивала взгляд, будто бы красивая женщина. На стенах дорогие французские гобелены, в центре кабинета – массивный резной стол. Поднявшись, Сталин взял трубку и направился к креслу, в котором так удобно было курить. На некоторое время он задержался у окна, любуясь каштанами, после чего удобно устроился на мягком кожаном сиденье.

– Значит, ты говоришь, Лаврентий, что в России добывают алмазы? – задал Сталин главный вопрос.

– Да, Иосиф Виссарионович. Их добывают в Пермской области на реке Вишера. Как мне объяснили, пока неизвестно, где именно находится коренное месторождение. Его просто размыла река, и вода течением выносит алмазы на берег.

– Как же их добывают?

– Алмазы вымывают из песка, для этого имеются специальные технологии.

– Понятно. Алмазов действительно так много?

– Много, товарищ Сталин! Алмазы с Вишеры имеют промышленное значение.

– Вот оно как. Насколько мне известно, основной поставщик алмазов – это Южно-Африканский Союз?

– Так оно и есть, товарищ Сталин. Но алмазы также добывают еще и в других странах, например, в Пакистане, в Индии, в Намибии. Они есть даже в Австралии.

– Если алмазы добывают во многих странах мира, почему же Рузвельт с Черчиллем предпочли именно наши камушки?

Лаврентий Павлович довольно улыбнулся. Ответ на этот вопрос у него был готов.

– Дело в том, что алмазы с Вишеры необычайной чистоты. В них практически нет включений. Их чистота составляет до восьмидесяти процентов. Ни один алмаз мира не обладает такими высокими природными показателями.

– Ах, вот оно что. Тогда это многое проясняет. Капиталисты предпочитают все самое лучшее. Какова же чистота алмазов, добываемых в Южно-Африканском Союзе?

– Чистота алмазов в Кимберли составляет всего лишь шестнадцать процентов.

Сталин задумался.

– Хм... Для союзников это будет весьма выгодная сделка.

– Да, товарищ Сталин, – согласился Лаврентий Берия. – Один алмаз средних размеров из Вишеры будет стоить целой дюжины алмазов из Кимберли такой же величины. Я тут связался с начальником лагеря, где ведется добыча алмазов, так он мне сообщил, что месячная добыча алмазов может потянуть на несколько миллионов долларов. Причем это самый предварительный подсчет... Дело в том, что среди алмазов встречаются уникальные камни.

– Теперь я понимаю товарища Рузвельта. Оказывается, он не такой бессребреник, как мне показалось в самом начале нашей беседы.

– Капиталиста невозможно перевоспитать, товарищ Сталин.

– Все верно, Лаврентий. – Сталин не пожелал раскуривать трубку. Положив ее, он поднялся и подошел к гобеленам, некоторое время любовался ими, заложив руки за спину. Затем, не выдержав, коснулся цветной матерчатой поверхности кончиками пальцев. – Лаврентий, следующее заседание у нас будет проходить в Ливадийском дворце?

– Так точно, товарищ Сталин, – попытался подняться Берия. – В четырнадцать ноль-ноль.

Сталин лениво махнул рукой, остудив пыл Лаврентия Павловича.

– На этом заседании мы будем обсуждать вопросы о репарациях, которые Германия выплатит Советскому Союзу и союзникам?..

– Да, Иосиф Виссарионович, – подтвердил Лаврентий Берия. – По нашим данным, сумма репараций должна составить двадцать миллиардов долларов.

– Кажется, сначала мы хотели претендовать на треть от этой суммы?

– Да, товарищ Сталин.

– Так вот, сейчас мы будем требовать половину! – твердо произнес Иосиф Виссарионович, направляясь к курительному креслу.

– Я располагаю информацией, что Черчилль может не согласиться с такой цифрой. У него уже был предварительный разговор с Рузвельтом на эту тему.

– Платину им подавай, на алмазы они претендуют... На которые не имеют никакого права, а вот платить за них не хотят! – едко заметил Сталин. – Если нам все же не удастся уговорить Черчилля и Рузвельта подписать такое решение, – взял Иосиф Виссарионович трубку в

правую руку, – тогда репарацию с Германии мы возьмем в других формах. – Выдержав небольшую паузу, он продолжил: – Первое, произведем изъятие соответствующей части ее национального богатства. Второе, – рука Сталина слегка качнулась, – возьмем поставками текущей продукции. И третье. Пять лет немцы наносили нам материальный ущерб, так что пусть следующие пять лет восстанавливают нашу разрушенную промышленность. Теперь давай поговорим конкретно об алмазах. Они хорошо охраняются?

– Так точно, товарищ Сталин. На месте их добычи построен лагерь, который охраняет рота автоматчиков.

– Возможна кража алмазов?

– Такая вероятность исключена. Все рабочие и геологи проживают в одном месте. Контроль за добычей алмазов наивысший.

– Кто производит контроль? – Берия привык к тому, что Сталин вникает даже в мелкие детали.

– Шесть проверенных и хорошо подготовленных наших людей: две женщины и четверо мужчин. Все они офицеры МГБ. Впрочем, был один случай хищения. Вместе с куском породы один из прикомандированных геологов пытался вынести алмаз размером в два карата... На выходе его задержала охрана.

– И что же он сказал в свое оправдание?

– Сказал, что хотел пополнить свою минералогическую коллекцию алмазом.

– Что же стало с этим геологом?

– Десять лет без права переписки.

– Все правильно, – невесело согласился Иосиф Виссарионович. – Кто занимается поисками алмазов?

– Очень сильная группа специалистов, – ответил Берия. – Она состоит из шестнадцати геологов. В нее входят даже два доктора наук, а возглавляет ее академик.

– Они отбывают срок?

– Да, товарищ Сталин.

– За что? – ровным тоном поинтересовался Иосиф Виссарионович, повертев в руках трубку.

– В свое время этот академик и доктора были на стажировке в Южно-Африканском Союзе. Перенимали опыт поисков алмазов. Вернувшись, академик написал большой труд, в котором обосновал вероятное наличие точно таких же кимберлитовых трубок в Южной Якутии. Под открытие алмазов в Якутии он запросил у правительства большие деньги. Собрал группу единомышленников, в которую, кстати, вошли и эти два доктора наук, и обещал, что через два года найдет в Якутии коренные месторождения алмазов. Два года прошло, огромные деньги были потрачены, а алмазы так и не были найдены. Потом обнаружили его некоторые связи с английской разведкой...

– В чем это проявлялось?

– Он вел переписку с англичанами.

– Это еще не доказательство шпионажа. Я тоже, бывает, пишу письма Черчиллю. Что еще?

– Несколько раз среди коллег он высказывался критически о существующем политическом режиме.

– Понятно. Каков у него срок?

– Пятнадцать лет. Четыре года он уже отсидел в лагере.

Сталин согласно кивнул.

– Значит, эти два профессора тоже получили срок?

– Да, товарищ Сталин.

– Как же этот академик опять попал на алмазы?

– Когда началась война, он начал обращаться с просьбой позволить ему хоть как-то помочь Родине. Писал о том, что является крупным специалистом по поискам алмазов, и просил направить его в Свердловскую область, где их уже добывали. Просьбу его мы удовлетворили. Этот академик включил в свою группу тех людей, с которыми он искал алмазы в Южной Якутии.

Повертев трубку в руках, Сталин сунул ее в карман френча.

– Как он работает?

– За то время, пока он находится в Свердловской области, было обнаружено около десяти мест, весьма перспективных для поисков алмазов. Начальник лагеря его работой доволен.

– Его группа бесконвойная?

– Не совсем, товарищ Сталин, – отрицательно покачал головой Берия. – Их группу всегда сопровождают три автоматчика.

– Если он так хорошо работает и считает себя невиновным, почему же он тогда не подал прошение о помиловании? – несколько удивленным тоном поинтересовался Иосиф Виссарионович.

Берия был готов и к этому вопросу.

– Точно такой же вопрос задал ему начальник лагеря. Академик ответил, что они не могут просить о помиловании в то время, когда родная страна ведет тяжелую войну. И лучше его алмазов все равно никто не знает.

– Хм... Вот они, политические... Сколько же ежемесячно они добывают алмазов?

– Пять тысяч каратов.

– Мне это ничего не говорит. Нельзя ли как-нибудь поконкретнее? – несколько раздраженно произнес Иосиф Виссарионович.

Берия сумел сдержать улыбку. Ведь точно такими же словами и он переспросил у начальника лагеря.

– Если поконкретнее, то это будет два полных ведра алмазов! – почти торжественно объявил Лаврентий Павлович.

– Сколько?! – невольно вырвалось у Сталина.

– Два полных ведра, товарищ Сталин.

С минуту Иосиф Виссарионович молчал, обдумывая услышанное.

– Вот оно как... Значит, алмазы мы теперь измеряем ведрами? Хорошая новость. – Сталин слегка кивнул. – Я хочу потребовать поставок по ленд-лизу боевых и десантных американских кораблей. Мы должны будем расплачиваться за них целый год. А это сейчас для нас тяжелое бремя! На какую же тогда сумму союзники захотят заполучить с нас алмазов?

– На эти деньги Советский Союз мог бы жить безбедно целый год.

– А Рузвельт хитрец! – покачал головой Сталин. – Но другого выхода у нас тоже пока не предвидится, это надо признать. Боевые суда, которые они, будем надеяться, нам отдадут, пригодятся не только для борьбы с Японией. А времени, чтобы изготовить новые на своих предприятиях, у нас нет. Времена меняются, неизвестно, как события будут развиваться дальше, как через год сложатся отношения с нашими нынешними союзниками. Так что предложение придется принять. А этот академик по-прежнему думает, что в Якутии имеются алмазы? – неожиданно спросил Сталин.

– Да, – мгновенно ответил Берия, – у меня на столе лежит его подробнейшая записка, в которой он обосновывает существование алмазов в Южной Якутии.

– На чем основаны его утверждения?

– Будто бы он нашел там породу, в которой они встречаются.

– Как называется эта порода?

– Кимберлит.

– И что же он еще пишет в той записке?

– Пишет о том, что если бы его не арестовали, то через пару лет Советский Союз получил бы месторождение алмазов, которое могло бы конкурировать с районами их добычи в Южной Африке.

– Он случайно не обращался с просьбой разрешить вновь поискать алмазы в Якутии? – хитро прищурился Сталин.

– Обращался, Иосиф Виссарионович.

– Ну что ж, если он так считает, тогда давай предоставим ему возможность действовать самостоятельно. Пусть получит столько денег, сколько запросит. Пусть сам же подберет себе подходящую группу. Предоставим ему еще один шанс... Если он найдет алмазы, то получит Сталинскую премию и будет полностью реабилитирован.

– А если не найдет, товарищ Сталин?

– В таком случае десять лет без права переписки станут достаточно суровым наказанием. – Сталин поднялся и подошел к окну. Море было спокойным, как вода в аквариуме. – Будет наказан не только руководитель группы, но и все участники экспедиции.

– Я буду держать эту операцию под личным контролем, товарищ Сталин.

– Хорошо, Лаврентий. Вся операция должна быть строго засекречена. – Сталин прошелся по просторному кабинету. Остановившись у стола, он развернулся и в упор посмотрел на Берия. Судорожно сглотнув, тот не без труда выдержал тяжеловатый взгляд. – Никто не должен знать, сколько Советский Союз добывает алмазов, как и о том, какой дорогой и в какую сторону они уходят. Даже курьеры. Груз засекретить! К этой операции не стоит привлекать слишком много народу. Только так можно предотвратить утечку информации. Можно, например, разбить их на тройки. Пусть следят друг за другом. Предлагаю назвать операцию «Тигровый глаз». – Улыбнувшись каким-то своим мыслям, Сталин продолжил: – А тройки, которым будет доверена охрана алмазов, пусть именуются «Три толстяка». Вот что, Лаврентий, поручи кому-нибудь разработать эту операцию. И держи меня в курсе всего, что там будет происходить. – Взяв трубку, Иосиф Виссарионович улыбнулся: – Значит, говоришь, два ведра алмазов?

– Да, товарищ Сталин.

– Это очень неплохой улов, Лаврентий. А как их перевозят с места добычи?

– Пока на грузовиках, товарищ Сталин. До ближайшего аэродрома около двухсот километров.

– А почему нет площадки непосредственно там, на Вишере?

– Там очень сложный рельеф местности, Иосиф Виссарионович. Мы строим взлетную полосу, но она будет готова лишь в сентябре.

Глава 4

ХИТРЫЕ ИГРЫ

– Товарищ подполковник, разрешите доложить, – вошла в комнату Лиза, молодая девушка лет восемнадцати, с погонами старшего сержанта.

Даже самый строгий из мужчин, глядя на ее красивое и по-девчачьи наивное лицо, невольно добрел. Куприянов и сам не однажды замечал на себе чарующее воздействие ее внешности. Суровость вдруг самым неожиданным образом отступала куда-то в сторону, а лицо разглаживалось в доброжелательной улыбке. Прямо наваждение какое-то! И он ничего не мог поделать с собой. Чувствовал, что под ее наивным и открытым взглядом металл, который находился у него внутри, приобретает пластичность. В этот момент из него можно было лепить любые, даже самые причудливые формы.

Интересно, а сама Лиза догадывается о том, какое воздействие оказывает она на сурового начальника НКГБ?

– Докладывайте, старший сержант, – кивнул подполковник Куприянов. Это получилось жестче обычного, но девушку, похоже, подобное обращение не смутило.

– Только что нами была перехвачена шифровка, – Лиза протянула небольшой листок.

Куприянов потянулся за листочком. Его взгляд скользнул несколько ниже, чем следовало бы, – он никак не мог оторвать глаз от коленок девушки.

Прямо наваждение какое-то!

Куприянов почувствовал, что волнуется. Хотелось коснуться девичьей кожи, задержать ее ладонь в своей руке, но вместо этого он суховаато произнес:

– Хорошо.

Куприянов глянул на группы цифр, написанных на листочке, спросил:

– Шифровальщикам передали?

– Так точно, товарищ подполковник. Они работают. Связисты говорят, что почерк радиоста тот же, группа захвата выехала. Но вряд ли они успеют их перехватить, передача велась из-под Судака.

– Понятно, – протянул подполковник, складывая вчетверо шифровку. Затем он сунул ее в нагрудный карман гимнастерки.

Следовало бы немедленно доложить вышестоящему начальству о выходе противника на связь, да и девушке пора было заниматься своими делами, но отпускать ее вот так сразу не хотелось – мешала юбочка защитного цвета, которая плотно облегла овалы девичьи бедра.

Степану Куприянову как начальнику ялтинского НКГБ по долгу службы полагалось знать многое. Ему было известно, что девушка проживала в женской казарме вместе с тремя десятками таких же, как и она. Вот, правда, после отбоя многие женщины волшебным образом куда-то исчезали и возвращались только перед самым рассветом. На них не действовали никакие уговоры командиров, ни приказы начальства, ни ситуация военного времени. Женщинам хотелось любви, и упрекать их в этом было грех. Единственной женщиной, которая ни разу не покинула казарму, была именно она, Елизавета.

Интересно, а пришла бы Лиза к нему сегодня ночью, если бы он ее вдруг поманил?

– Когда вы сменяетесь? – спросил нейтральным голосом Куприянов.

– В восемь часов вечера, – отозвалась Елизавета. – А что, намечается какая-то серьезная работа? – спросила она с заметной готовностью.

Глаза наивные, как у первоклассницы. Так и растеряться можно. Как же ей, дурехе, объяснить, что он просто хочет остаться с ней наедине, а там, если повезет, завалить на узкий кожаный диван.

– Нет, просто подумалось, – отвечал Куприянов, испытывая некоторую неловкость от нахлынувших мыслей. – Возможно, будет некоторая срочная работа... Но я сообщу, если что, – неопределенно протянул он.

– Разрешите идти? – весело спросила Елизавета.

– Идите, Федорова! – сухо сказано сказал подполковник.

В глазах девушки Куприянов рассмотрел задорные смешинки, которые свидетельствовали о том, что она не так наивна, как выглядит на первый взгляд.

Елизавета развернулась и уверенным, почти строевым шагом направилась к выходу.

Дверь захлопнулась с каким-то злорадным стуком, оставив Куприянова в пустом кабинете. Он едва сдержался, чтобы не крикнуть от досады. Ладно, пора принимать решение, не время паяльничать на волнующие девичьи выпуклости. Но сначала надо сообщить о шифровке военной контрразведке.

Он поднял трубку телефона и потребовал у связиста привычным жестковатым тоном, к которому привыкли окружающие:

– Это подполковник Куприянов... Соедините меня с майором Коробовым.

С минуту в трубке звенела тишина. Затем раздался уверенный голос заместителя начальника военной контрразведки дивизии:

– Коробов на связи.

– Григорий, тут мои люди опять перехватили шифровку. Есть разговор. Сможешь ко мне подъехать?

– Буду через двадцать минут, – ответил Коробов и тотчас повесил трубку.

Григорий Коробов не задержался, явился точно через двадцать минут. Гладко выбритый, подтянутый, несмотря на долговязость, он вошел в кабинет, будто бы строевой офицер. А ведь до службы занимался тем, что составлял финансовые отчеты на оборонном предприятии.

В кабинете тотчас распространился запах дорогого одеколona. Наверняка какой-нибудь трофейный. Педант, аккуратист, с тонкими чертами лица, Коробов больше напоминал интенданта, чем офицера «Смерша».

Иллюзии улетучивались в тот самый момент, когда Коробов начинал говорить. Сразу чувствовалось, что общаешься с человеком, наделенным немалой властью и обладающим отменными волевыми качествами.

Выслушав суть дела, он сказал:

– У нас тоже имеются несколько перехваченных, но не расшифрованных радиogramм. Пару месяцев назад начались передачи. Группа одна и та же, а сейчас ты и сам знаешь, что происходит в Ялте. При малейшей угрозе «трем толстякам» полетят головы куда круче наших.

– А толстяками они называют «большую тройку»?

– Да. Хотя на толстяка потянет только Черчилль... Так вот, эта группа всего одна, причем она хорошо законспирирована. Есть предположение, что внедрена в одну из воинских частей.

– Вот даже как. Откуда же они посылают радиogramмы?

– Места передач меняются. Кругом леса, скалистая местность, очень неудобная для обнаружения. Прочесывать леса мы тоже не можем, для этого нужна войсковая операция. Людей нам дадут, но мы можем просто спугнуть их, так что придется действовать как-то похитрее. Правда, не исключен и второй вариант, – после некоторой паузы заметил Григорий Коробов. – Но сейчас рановато об этом говорить...

– Они себя обязательно обнаружат. Если группа нацелена на «большую тройку», следовательно, они должны от кого-то получать информацию, которую передают, встречаться с агентом или забирать его донесения из тайника, который обязательно находится где-то в городе. Отсюда сейчас выйти невозможно, – предположил Куприянов.

– Да, невозможно, – охотно согласился Коробов. – В этом-то все и дело. Меры уже приняты. Вокруг всей Ялты мы уже расставили наших людей, которые подмечают всякое движе-

ние. Выявили несколько подозрительных личностей, но все это не то... По нашим данным, никто из них не связан с «Тремя толстяками». Кроме одного человека.

В дверь негромко постучали.

– Войдите, – разрешил Куприянов.

– Товарищ подполковник, – Лиза уверенно прошла в комнату и положила на стол перед Куприяновым несколько листков бумаги. – Подпишите документы, вы приказали их приготовить.

Куприянов скосил глаза на Коробова и увидел, с каким интересом тот разглядывает девушку. На его красивых тонких губах застыла слащавая улыбка. Воображение у майора было оперативное, так что в эту самую минуту он наверняка представлял Елизавету в самых соблазнительных позициях.

Подполковник черкнул подпись и невольно нахмурился, взгляд Коробова ему откровенно не понравился.

– Разрешите идти?

– Иди, Лиза.

С минуту Куприянов молчал, затем поднял голову и спросил:

– Так ты сказал, что есть один человек. Хорошо работаешь. Если рядом с носителями информации у фрицев имеется свой человек, то это весьма опасно. Сколько тебе нужно времени, чтобы обезвредить его?

Коробов улыбнулся.

– Пока это лишь кое-какие предположения, но довольно основательные. Это один из шоферов части. По нашим данным, только он и мог быть завербован. А вот братъ надо с поличным, чтобы даже не думал рыпаться.

– Тоже верно.

– Кстати, я хотел у тебя спросить, – оживился вдруг Коробов. – Раньше я у тебя эту девчоночку не видел. Давно она у тебя работает?

Куприянов слегка насупился:

– Лично у меня она работает три месяца.

– Хм... Вот оно как, видно, просто не встречались. Красивая. Умеешь ты подбирать кадры!

– Да.

– У тебя с ней случайно ничего нет?

– Ничего. И совсем не случайно.

– Прекрасно! Ты не будешь против, если я займусь ей как-нибудь пообстоятельнее? А то, знаешь ли, море, солнце, как-то все это способствует романам.

– Не советую, – жестко отозвался Куприянов.

С минуту Коробов мерил Куприянова взглядом, соображая, как же следует реагировать на столь враждебный тон. Затем он расслабленно улыбнулся, подняв ладони кверху, – женщина не может быть серьезным поводом для ссоры между старинными приятелями.

– Не надо ничего объяснять. Все понимаю.

Коробов ушел, а Куприянов вдруг осознал, что несколько минут назад обрел серьезного врага.

Глава 5

ДИАГНОЗ РУЗВЕЛЬТА

Существовала еще одна причина, по которой Сталин предпочел для собственной резиденции именно Юсуповский дворец, или, как он значился по официальным документам, «Государственная дача № 4». Кроме прекрасного вида на море и роскошного сада, у здания была интересная история, к которой Сталин всегда был очень неравнодушен.

Заложив руки за спину, Сталин неторопливым шагом в сопровождении Молотова и Берии прогуливался по узким дорожкам поместья. Через полтора часа должны были подъехать Черчилль с Рузвельтом, и Верховный хотел отвлечься перед напряженным разговором.

Неожиданно Иосиф Виссарионович остановился перед флигелем, вход в который стерегли мраморные львы, и, повернувшись к Берии, произнес:

– Позовите коменданта дачи.

Сталин умел удивлять. Кто бы мог подумать, что в этот самый момент мысли руководителя великой державы занимает не ключевая беседа с главами двух других сильнейших государств мира, а всего лишь смотритель Юсуповского дворца.

Однако Берия отреагировал мгновенно, как если бы ожидал именно этого распоряжения. Повернувшись к адъютанту, Лаврентий Павлович распорядился:

– Приведите Геращенко!

Иосиф Виссарионович посасывал пустую трубку и с интересом рассматривал мраморного льва. Не удержавшись, похлопал его по загривку, будто доброго и преданного пса. Уже через две минуты один из охранников привел высокого мужчину с густой черной окладистой бородой. При любых других обстоятельствах его можно было бы назвать импозантным, принять за большого ученого или крупного чиновника, но сейчас тот выглядел необычайно растерянным, на его выпуклом большом лбу собрались крупные капли пота.

– Здравствуйтесь, товарищ Сталин, – скороговоркой произнес комендант.

Спина Геращенко невольно согнулась. Ему невероятно неловко было ощущать свой огромный рост, и он мысленно ругал матушку-природу, посмевшую наградить его таким неподобающим в данном случае величием. Предоставь Создатель ему возможность переродиться, так он скрутился бы в половину собственного роста. Но в нынешней ситуации ему невольно приходилось смотреть сверху вниз прямо на макушку вождя.

Сталин лишь слегка кивнул в знак приветствия и, вытащив трубку изо рта, показал на львов:

– Что это за львы?

Иосиф Виссарионович еще раз подтвердил, что умеет ошеломлять. Оставалось только гадать, какие сюрпризы он приготовил для хитроумного лиса Черчилля и президента США Рузвельта. Сопровождающие невольно переглянулись. На лице Молотова отразился нечаянный скепсис, вряд ли об этом может знать комендант дачи. Экскурсии по поместью в его обязанности не входят. Его функция состоит в том, чтобы размещать в апартаментах дворца партийную элиту. Но комендант не сплеховал.

– Это мраморные и терракотовые львы, товарищ Сталин. Во дворец они были привезены еще в двадцатых годах прошлого века из Венеции при тогдашней хозяйке дворца княгине Голицыной, – все так же скороговоркой выпалил Геращенко.

На губах Молотова и Берии промелькнули довольные улыбки – надо же, не подвел, шельмец! В ответ вождь понимающе закивал, оценив старинную красоту. Минуту он с интересом рассматривал пасть льва. Комендант то покрывался бледностью, а то вдруг становился багровым, как вареная свекла, толком не зная, как следует расценивать затянувшееся молчание

товарища Сталина. А может, ему не следовало упоминать княгиню Голицыну? А что, если вдруг в вожде разыгралась классовая неприязнь?!

И комендант поспешно продолжал:

– В Юсуповском дворце бывали поэты Василий Туманский, Виктор Тепляков, Василий Жуковский.

Поговаривали, что Иосиф Виссарионович интересуется поэзией и в молодости сам грешил сочинительством стишков. Так что сказанное должно было смягчить возможную опалу.

– Да, конечно, – согласился Иосиф Сталин. Тон его был вполне доброжелательным. – А что там за фигура выступает из-за куста? – показал он концом трубки в сторону зарослей можжевельника, из-за которого виднелись оголенные беломраморные плечи.

Комендант поднял глаза кверху, как если бы выпрашивал у отрогов Ай-Петри помощи, и заговорил:

– Это нимфа, товарищ Сталин... Дева. В греческой мифологии божество природы. – Кажется, опасная полоса миновала, и Геращенко невольно распрямился. Теперь было видно, насколько он все-таки высок. – А вот на дебаркадере установлена Минерва, это богиня римской мифологии, соответствующая греческой Афине.

– А что она держит? – удивился Сталин, сунув трубку в правый угол рта.

– Факел, товарищ Сталин. Этим она несколько напоминает статую Свободы, установленную у входа в порт Нью-Йорка.

Впервые за время разговора Сталин осклабился. Невольно вслед за Верховным заулыбались и Молотов с Берией.

– Я думаю, что эта композиция очень понравится президенту Рузвельту. А ты что думаешь, Лаврентий? – прищурившись, Сталин посмотрел на наркома внутренних дел.

– Я тоже так думаю, товарищ Сталин.

Иосиф Виссарионович, вдруг потеряв интерес к венецианским львам, а заодно и ко всем мифологическим персонажам, развернулся на каблуках и направился в сторону моря. Комендант продолжал оставаться на месте, не зная, как ему следует поступить: устремиться следом за вождем или спрятаться за спиной охраны. Все уладилось само собой. Берия, повернувшись к Геращенко, отчаянно замахал рукой, давая ему понять, чтобы он как можно быстрее удалился, и тот, облегченно выдохнув, тотчас скрылся за стволом могучего кипариса.

Самое сложное в общении со Сталиным – это пережить затянувшуюся паузу. Невозможно было предугадать, в какой именно момент вождь прервет молчание, а до той поры она давила на собеседника нешуточной тяжестью.

Сталин прошел вдоль насаждений и остановился у ограды, откуда хорошо просматривалось спокойное море.

– Как проходит операция «Златоуст»? – спросил Сталин у Лаврентия Берии.

К операции «Златоуст» чекисты готовились задолго до начала Ялтинской конференции. Из самых ценных пород дерева – сандала, самшита, секвойи, слоновой пальмы – в подарок американской стороне был изготовлен герб Америки потрясающего изящества. Но потаенный смысл подарка заключался в том, что в него был вмонтирован крохотный и очень чувствительный «жучок», способный передавать подслушанные разговоры на довольно приличное расстояние. Причем «жучок» этот был весьма хитро устроен – питание прибора происходило не за счет батареи, а при помощи микроволнового излучения, а антенну для его передачи всегда можно было установить в поле деятельности микрофона.

Как известно, гости не приходят с пустыми руками, а потому сразу по приезде в Ялту посол США в СССР Аверелл Гарриман вручил десять тысяч долларов в фонд российских школьников. В качестве ответного подарка подразумевался именно этот герб с вмонтированным в него «жучком». Пионеры в торжественной обстановке успели вручить ему американ-

ского орла, и личный переводчик Сталина Валентин Бережков, который специально был осведомлен о деталях операции, задорно посоветовал американскому послу повесить его у себя в кабинете, добавив с легкой улыбкой:

– Мистер Гарриман, англичане просто умрут от зависти!

– Операция «Златоуст» вошла в фазу «Исповедь». Мы уже записали несколько телефонных разговоров Рузвельта с Черчиллем. Сейчас мои шифровальщики готовят вам подробный доклад, товарищ Сталин.

– Я обязательно ознакомлюсь с ним, – пообещал Иосиф Виссарионович. – Вкратце расскажи о некоторых вопросах.

– Разговор шел о том, что советская сторона будет добиваться того, чтобы Советскому Союзу вернулись Курильские острова и Южный Сахалин.

– Та-ак. И что же об этом думают союзники?

– В принципе они не против этого решения, но Рузвельт просил поддержки у Черчилля в том, чтобы тогда Советский Союз более активно включился в разгром Японии.

Сталин едва заметно кивнул. Подобный разговор для него не был неожиданностью. Не далее как вчера вечером они с Рузвельтом касались этой же темы, но Сталин не спешил давать обещаний. И американский президент, заметив нерешительность Дядюшки Джо, решил заручиться поддержкой хитрого британского лиса.

– Возможно, мы согласимся на их условия. Пора собирать камни. Что еще?

– Черчилль предложил разделить Германию не на три зоны оккупации, как обговаривалось ранее, а на четыре. Одну зону он предлагает отдать Франции. Он просил Рузвельта поддержать его по этому вопросу в споре с Дядюшкой Джо, – улыбнулся Берия.

Сталин подошел к скамейке и уверенно сел, закинув ногу на ногу. Его спутники продолжали стоять рядом, не решаясь присаживаться без разрешения Верховного Главнокомандующего. Некоторое время Сталин разглядывал нимфу, стыдливо закрывавшуюся руками, затем вытащил изо рта трубку и выбил пепел о край скамьи. Он основательно продул трубку, после чего плавным движением руки пригласил народных комиссаров устраиваться рядом.

Молотов и Берия присели почти одновременно, разместившись по обе стороны от вождя. Вопрос о разделении Германии не был для Сталина неожиданным. Другое дело, что ранее предлагалось разделить Германию на три части, а вот о Франции речь никогда не заходила.

– Этот вопрос нам следует проработать как можно более тщательно, – наконец заговорил Сталин, набивая трубку душистым табачком. – Второстепенных деталей быть не должно. Но на предстоящей встрече наша позиция должна быть такой... Франция не внесла столь ощутимого вклада в победу, чтобы ей предоставлять для оккупации целую зону. – Великий вождь закурил и, пыхнув сладковатым дымом, продолжал: – Впрочем, их условия можно принять, если в будущей Организации Объединенных Наций займет место не только СССР, постоянный член Совета Безопасности, но еще Украина и Белоруссия в качестве полноправных членов сообщества. Думаю, что они согласятся с нашим предложением. В качестве компромиссного решения мы не будем настаивать на членстве в ООН... допустим, Литвы. Было что-нибудь еще интересное в разговорах?

Лаврентий Павлович негромко рассмеялся. Пришло время, чтобы повеселить и Хозяина.

– Черчилль рассказал Рузвельту о том, как он совместно со Сталиным пил прекрасный коньяк и закусывал его бараньими ребрышками. Коньяк привезли с собой вы, товарищ Сталин, а вот ребрышки прекрасно приготовил повар Черчилля Стив.

Сталин невольно хмыкнул:

– Я буду ему признателен. Надо как-то наградить парня.

Иосиф Виссарионович большое значение придавал результатам Ялтинской конференции. Он был глубоко убежден в том, что от того, какие решения будут приняты на ней, во многом зависит дальнейшее мировое устройство. Некоторые позиции были очень принципи-

альными, и они требовали не только большого дипломатического ума, но и политической дальновидности. Например, очень щекотливым был вопрос о статусе Восточной Европы.

– А что ты скажешь, Вячеслав? – повернулся Сталин к Молотову.

– Мне кажется, что все складывается в нашу пользу, Коба, – отвечал министр иностранных дел, назвав Сталина по партийной кличке. Он был единственным человеком в окружении Верховного, кто имел подобное право. – В приватной беседе Чарльз Болен, один из людей, составляющих ближайшее окружение президента, рассказал о том, что за две недели до Ялты Рузвельт в Овальном кабинете потерял сознание и пробыл в коматозном состоянии около тридцати минут. Состояние его было настолько серьезным, что у него изо рта выделялась слюна.

– Человек он уже немолодой, возраст берет свое. А потом, эта его болезнь ног... Но для нас эта новость благоприятная. Следовательно, во время всей конференции «Аргонавт» он будет больше думать о собственном здоровье, чем о разделе мира. Представьте себе ситуацию, если президент Америки вдруг потеряет сознание перед товарищем Сталиным? – посмотрел Иосиф Виссарионович в глаза Молотову. – И свалится к его ногам.

– Непростая получится ситуация.

– Вячеслав, а Рузвельт случайно не мог заподозрить того, что мы изучаем его психическое состояние? – вновь спросил Сталин у Молотова почти равнодушным тоном.

Однако в действительности дело было не так. Молотов как никто другой знал, что ровное состояние Кобы – всего лишь маска. Сталин был из того редкого типа людей, которые способны скрывать распирающие их чувства.

– Все сделано как надо, Коба, – отвечал народный комиссар иностранных дел. – Когда Рузвельта провозили в инвалидной коляске, то доктор Золотарев стоял рядом и изучал его. Со стороны это выглядело совсем незаметно. По утверждению Золотарева, он только по одним глазам и выражению лица Рузвельта сумел проставить диагноз.

– И что же он сказал?

– Он определил, что в настоящее время у Рузвельта глубокая клиническая депрессия.

Сталин удовлетворенно кивнул. В настоящее время его больше всего занимало здоровье Рузвельта. Советский лидер понимал, что от того, как себя чувствует президент США, будет сильно зависеть исход и самой конференции «Аргонавт». Во время первой встречи, которая проходила в Юсуповском дворце, где Сталин был хозяином, в список делегации, под видом молодых офицеров, он включил двух опытных психиатров, которые должны были наблюдать за состоянием здоровья Черчилля и в особенности Рузвельта. Уже после заседания они доложили о том, что Черчилль, несмотря на пристрастие к спиртному и к крепким сигарам, обладает необычайно крепким психическим здоровьем и очень устойчив эмоционально. И вряд ли с ним может случиться что-нибудь дурное в ближайшие три десятилетия. Зато ясно, что Рузвельт живет на пределе собственных сил, он устал и очень тяжело болен. Скорее всего этот человек испытывает глубокую клиническую депрессию.

После такого вывода врачей диагноз Рузвельта следовало поскорее уточнить. И если он действительно подтвердится, то предстоящий диалог следует вести, опираясь на доклады о его здоровье. Причем диагноз предстояло уточнить в ближайшие два дня, до начала серьезных переговоров. И Берия разработал целую операцию, чтобы определить, чем именно болен Рузвельт.

– У меня имеются дополнительные данные, подтверждающие ухудшение состояния здоровья Рузвельта, – заговорил Лаврентий Павлович. – Наши предположения подтвердил также и наш американский источник.

– И что же он сказал? – Сталин повернулся в сторону Берии, пыхнув трубкой. На несколько секунд голова Лаврентия Берии скрылась в плотном дыму.

– Лет тридцать назад у Рузвельта был роман с молодой женщиной по имени Люси Мерсье, она была секретарем его жены. Отношения у них зашли настолько далеко, что Рузвельт уже не скрывал их от супруги. Тогда Элеонора, его жена, забрала пятерых детей и уехала к матери...

– В какой должности находился тогда Франклин Рузвельт? – перебил Сталин Берия, вытащив трубку изо рта.

Лаврентий Павлович научился понимать Хозяина даже по движению бровей. Так что трубка в ладони Сталина свидетельствовала о многом.

– Ему тогда был тридцать один год, и он находился в должности заместителя морского министра, – сообщил Берия. – Для такой крупнейшей морской державы, какой является Америка, это очень солидная должность.

Сталин приподнял руку с трубкой, но раскуривать ее дальше не пожелал:

– Я понимаю, Лаврентий, продолжай.

– Он уже готов был оставить свою жену, когда вмешалась его мать и заявила, что если он уйдет из семьи, то больше не получит от нее ни цента.

Сталин наконец опять пыхнул трубкой, окутав собеседника клубами дыма.

– Волевая женщина.

– Очень, – поспешно согласился Берия. – Еще через несколько лет Люси вышла замуж за очень богатого капиталиста из Нью-Йорка, Руттерферда.

– Слышал о таком, – согласился Сталин. – Он из очень влиятельной семьи.

– Да. Однако отношения между Люси и Рузвельтом не прервались даже после того, как она вышла замуж. Они регулярно встречались на съемных квартирах.

– Интересно, – обронил Сталин. – Этим обстоятельством можно воспользоваться и обыграть старый роман в свою пользу. Насколько можно доверять твоему информатору, Лаврентий?

– Мой источник – Елизавета Шуматова, известная в Америке художница. Ее вербовку мы осуществили сразу после того, как она уехала из России. Весьма надежный источник! Она ближайшая подруга Люси.

– Очень хорошо, – согласился Сталин. – Значит, их отношения продолжают и в настоящее время? – задумчиво протянул он, видно, обдумывая какой-то свой план.

– Жена Рузвельта женщина очень властная. Она помнит обо всех его маленьких шалостях и ничего ему не прощает.

– Почему он встречается с Люси?

– Мы старались выяснить этот вопрос. Очевидно, у него имеются какие-то личные переживания, которыми ему хочется поделиться только с Люси. И когда у него наступает душевный и психический кризис, то он связывается с ней, и они очень продолжительное время проводят наедине. Незадолго до начала операции «Аргонавт» Рузвельт дважды встречался с Люси.

– Все это очень важно, – слегка кивнул Сталин и, прищурившись, спросил: – Значит, у нас имеются серьезные основания полагать, что мы выиграем операцию «Аргонавт»?

– Я в этом просто убежден, товарищ Сталин.

– Хорошо, – отреагировал Иосиф Виссарионович. – Восточную Европу я им не отдам! – Верховный Главнокомандующий поднялся. – Что ж, пойдемте. Сейчас должны подъехать наши гости.

Франклин Рузвельт вместе со своей делегацией размещался в Белом Ливадийском дворце. Под видом садовника во дворце постоянно находился профессор психологии, и когда мимо него морской пехотинец прокатил в инвалидной коляске президента Америки, то он, стараясь скрыть профессиональное любопытство, как бы невзначай заглянул ему в лицо. Достаточно было посмотреть на Рузвельта повнимательнее, чтобы сказать, что этот человек пребывает в глубокой депрессии. Однако тяжелое состояние совершенно не мешало ему лепить улыбки и адресовать их каждому встречному.

Заметив выглянувшего из-за кустов садовника, Рузвельт улыбнулся и ему.

ГЛАВА 6 РУКИ ВВЕРХ!

Перехваченные радиogramмы никак не поддавались расшифровке, а факт оставался фактом – в непосредственной близости от Ялты активно действуют агенты противника, которые могут располагать какой-то информацией о работе конференции «Аргонавт». Ситуация становилась совершенно нетерпимой, и никакие обстоятельства не могли оправдать ее. Группу надо было выявлять и брать немедленно. Иначе отправка большого начальства в лагерь могла бы считаться царской милостью, а уж народ помельче отгружали бы на Колыму целыми вагонами. Лидеры трех ведущих государств антигитлеровской коалиции имели полное право требовать стопроцентного обеспечения собственной безопасности и сохранения в абсолютнейшей тайне всех деталей ведущихся переговоров. А хозяин конференции – товарищ Сталин умел быть беспощадным даже в ситуациях с куда меньшей степенью риска.

При сложившихся обстоятельствах ставились вполне конкретные задачи – эту группу вражеских агентов следовало вычислить как можно быстрее и не спугнуть, не дать уйти, а взять их, желательно живыми. Даже физическая ликвидация вражеских агентов считалась бы неудачей. Их надо было именно взять живыми, пусть и не совсем здоровыми, и обязательно допросить, в деталях выяснить, что им удалось разузнать и передать о работе конференции.

В лес под Красногорском под видом обыкновенных рыбаков Куприянов направил небольшой отряд, который должен был установить местонахождение диверсантов. Однако, поплутав трое суток среди каменистых оврагов, они так ничего и не обнаружили. Правда, натолкнулись на две небольшие землянки, но они были вырыты здесь еще задолго до войны и использовались теперь редкими охотниками в качестве временного пристанища.

В дверь кабинета неожиданно постучали.

– Войдите, – откликнулся Куприянов.

В комнату робко ступила Елизавета. Подполковнику Куприянову потребовалось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не подняться навстречу девушке. Вчера вечером Куприянов не выдержал и предпринял-таки попытку потеснее пообщаться с Лизой. Он даже сумел уложить ее на диван, но вот когда его рука скользнула по ее обнаженному бедру и бесстыдно поползла дальше, вверх, то девушка вдруг объявила, что она девица, и несколько суховатым тоном заметила, что если товарищ подполковник будет столь настойчив, то можно будет перепачкать не только его обмундирование, но и служебный диван. Вот явятся к нему на следующий день подчиненные на совещание, а казенная мебель испорчена. Людям даже разместиться негде будет. Не выбрасывать же на помойку столь ценную вещь из-за опрометчивого поступка!

Да уж, в язвительности Елизавете отказать было никак нельзя.

Следовало отвернуться, сделать вид, что он очень занят, чего же заниматься самоистязанием. Но отправить девушку назад не хватало духу.

– Может быть, хотите чаю? – спросила Лиза.

Голос у девушки был слегка виноватым. Красивые белые зубки впились в нижнюю губу. Видно было, что и ей нелегко давалось спокойствие.

– Нет, благодарю, – равнодушно ответил Куприянов и вновь уткнулся в бумаги.

Девушка не уходила.

– Вы меня извините, если что-нибудь не так.

Не отрывая взгляда от вороха бумаг, Куприянов произнес:

– Это вы меня извините. В прошлый раз я вел себя не самым лучшим образом. Обещаю, что этого больше не повторится. Можете идти, – добавил он, сделав над собой усилие. – Я вас

больше не задерживаю, – поднял Куприянов голову, но только для того, чтобы выпроводить Елизавету взглядом.

Губы девушки предательски дрогнули. Был момент, когда Куприянову показалось, что она не выдержит и разревется. Но нет, проявив характер, она твердым голосом ответила:

– Слушаюсь!

И, четко развернувшись на каблуках, вышла из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь.

Внутри Куприянова что-то болезненно сжалось. Такое впечатление, что кто-то тиснул его крепкой лапой в том месте, где размещалась душа, и не желал отпускать. В какой-то момент Куприянову показалось, что он задохнется от нахлынувших чувств. Обхватив голову руками, он с минуту смотрел прямо перед собой. А затем сдавленный воздух прорвался через трахею в легкие, давая освобождение.

Пора было отправляться на свежий воздух, а то так ведь и свихнуться можно. Собрав бумаги в аккуратную стопку, Степан положил их в сейф. В силу сложившейся привычки Куприянов пытался жить легко и не старался обременять себя проблемами, которые могли бы помешать его основной работе. Следовало так же поступить и с Лизой, забыть сцену, произошедшую на диване. Но, к своему немалому удивлению, он вдруг осознал, что воспоминания не желают отпускать его. И чем сильнее он пытался избавиться от нахлынувших переживаний, тем контрастнее представлялся ему состоявшийся разговор, он обрастал в его памяти новыми неожиданными подробностями, казавшимися столь несущественными поначалу.

Лиза его зацепила. Это надо было признать. Девушка сумела отыскать какую-то тропку к его сознанию, доселе никому не ведомую, и теперь, разместившись там, не желала оставлять. С новым состоянием определенно следовало что-то делать. По большому счету оно мешало принимать правильные решения, отвлекало и не давало жить так, как подполковник давно уже привык.

Степан вышел на улицу и направился в штаб дивизии. Ходили упорные слухи о том, что после Ялтинской конференции дивизию, занятую охраной мероприятия, отправят на передовую, и он хотел спросить об этом лично у командира дивизии. Уж он-то об этом должен знать! Благо они были в приятельских отношениях.

В последние дни поселок вырос раза в четыре. Прямо на берегу моря раскинулся палаточный городок, обнесенный по периметру проволокой. Ограждение символическое, оно просто очерчивало территорию разбитого лагеря, но вряд ли отыщется смельчак, посмевающий преодолеть ее вне отведенного места.

Офицеры были расквартированы по домам. Школу заняли в первый же день – ее определили под штаб дивизии, а в сельсовете размещалась дивизионная разведка.

Невозможно было представить, что кто-то способен потревожить работу конференции, – Ялту охраняла целая дивизия. Немного в стороне разместился танковый полк, по окружности стояли артиллерийские соединения. Незамеченной могла пролететь разве что птица. А чтобы вражеский самолет? Исключено!

Куприянову было известно, что танковый полк прибыл откуда-то с линии фронта, а потому чудом уцелевшие к концу войны танкисты воспринимали новое место дислокации как вполне и давно заслуженный отдых. Близость моря и яркие солнечные дни вносили свои коррективы в однообразную службу, и танкисты не упускали случая, чтобы зайти на чаек к томящимся без мужского тепла солдаткам. Заслужили, мужики. Наслаждайтесь покоем. Неизвестно, когда еще так на солнышке придется понежиться. Война кончается, но ведь она война!

Жизнь не прекращается даже во время боевых действий, и Куприянову было известно, что на столе у командира дивизии имелось около двух десятков заявлений на регистрацию брака. Половину из них предоставленной ему властью командир дивизии намеревался узаконить в ближайшую неделю. Остальным придется малость подождать. Интересно, как бы вытя-

нулось лицо его непосредственного начальника, сидевшего обычно в кабинете в Симферополе, а теперь находящегося здесь же, в Ялте, если бы однажды Степан положил ему на стол подобное заявление?

Полевая кухня стояла на прежнем месте. Создавалось впечатление, что она прописалась здесь навечно. Все тот же старшина с покалеченной левой рукой по-прежнему кашеварил, у котлов все так же вертелась шумная ребятня, а повар щедро и с прибаутками раскладывал в алюминиевые тарелки наваристую кашу пехоте, расквартированной в поселке. Грядущая весна наложила отпечаток и на разудалого кашевара, и Куприянов уже дважды заметил его в обществе крупной женщины. Полковой повар – фигура заметная, такого в карман не спрячешь, а подполковнику по должности полагалось знать, что происходит с красноармейцами в минуты досуга.

Отстояв небольшую очередь, алюминиевую тарелку протянул невысокого роста худощавый мужчина с вытянутым лицом. Куприянов внимательно всмотрелся в этого человека. Что-то в его поведении было настораживающее. И после минутного наблюдения за солдатом в подполковника ядовитой змеей вползло пока еще очень шаткое подозрение. Вытащив папиросу, Куприянов закурил, продолжая наблюдать за красноармейцем. Теперь он понимал, что его насторожило, – тот выглядел чересчур уж серьезным. Даже если он улыбался, то получалось так, как будто бы его скулы скручивало от боли. Такое впечатление, что боец продолжал оставаться на передовой и озирается так, словно опасался погибнуть от шальной пули. Тогда следует задать вопрос, почему он такой напряженный, когда война находится где-то далеко за горами и оттого кажется вовсе нереальной? Попал чуть ли не в рай земной, так наслаждайся, служивый, предоставленным отдыхом да шурься себе на южное крымское солнце. Однако что-то его тревожит, и озирается он так, как будто бы опасается погибнуть от выстрела в затылок. Хотя, если подумать, откуда здесь взяться пуле?

Красноармеец о чем-то переговорил с кашеваром. Повар довольно заулыбался и взял протянутый ему рюкзак. Он направился в сарай, оборудованный под склад. Через несколько минут он вернулся, держа наполненный рюкзак. Тушенкой, значит, повар приторговывает? Ладно, разберемся. Красноармеец благодарно кивнул и протянул компактный небольшой сверток. Что же там может быть? Будто для того, чтобы удовлетворить любопытство подполковника, сверток из искалеченной руки кашевара выскользнул, и на землю полетели пачки «Казбека». Натуральный товарообмен, значит, получается. Ну-ну!

Собрав оброненные пачки, кашевар тщательно отряхнул каждую из них от налипшей грязи и бережно спрятал в полевую сумку.

Красноармеец, кивнув на прощание, пошел по улице. Шагал он неторопливо. Со стороны могло даже показаться, что боец наслаждается предоставленной свободой, и только взгляд, который он как бы невзначай иной раз бросал из-за плеча, все более укреплял Куприянова в возникших подозрениях.

Боец вышел из села и направился по проселочной дороге. Куприянов старался держаться от него на значительном расстоянии. Затеряться было несложно, дорога была оживленной, по ней то в одну, то в другую сторону двигались колонны солдат, разъезжали грузовики. Красноармеец приободрился, прибавил шагу. Дальше развилка. Интересно, в какую сторону он направится? Спрятавшись за кузовом полуторки, Куприянов с интересом наблюдал за красноармейцем. Одна дорога уходила в соседнее село, а вот другая вводила в лес. Не задерживаясь на перекрестке, красноармеец зашагал в сторону леса. Далее следовало соблюдать предельную осторожность, движение по этой дороге было не столь оживленное, и красноармеец без труда сможет вычислить человека, который настырно идет за ним следом.

Подкинув сползший с плеча вещмешок, солдат заторопился по грунтовке, весело пыля кирзовыми сапогами. Шел он уверенно, беззаботно, было заметно, что дорога ему знакома до последней кочки, и ощущение близкого отдыха притупило в нем наблюдательность. Он огля-

нулся всего лишь дважды. И в какой-то момент подполковнику Куприянову даже показалось, что тот обратил на него внимание, когда он выходил из-за грузовика. Но нет, боец скользнул по Куприянову взглядом и продолжал углубляться в лес. Километра через полтора красноармеец вдруг неожиданно свернул в густой ельник и принялся подниматься по склону, а уже через минуту затерялся среди стволов.

Выждав некоторое время, Куприянов устремился следом.

Красноармейца Степан догнал в тот самый момент, когда тот уже спускался со склона. Шел он уверенно, совершенно не таясь, очевидно, полагая, что опасность осталась за перевалом. Степан даже услышал, как он, видимо, от переполнявших его чувств, что-то запел. Куприянов уже более не сомневался в том, что преследует диверсанта. Ясно было, что не стоило этого делать в одиночку, но не возвращаться же теперь назад, за подкреплением.

Дальше солдат принялся пробираться через кустарник. В одном месте он остановился и пристально стал рассматривать что-то под ногами. «Ага, высматривает растяжку, боится наступить!» – догадался Куприянов. Впереди открывалась небольшая полянка, которую со всех сторон плотно обступали кусты. Место глухое, потаенное. Просто так сюда не попасть. А вот у края поляны земля истоптана. Так оно и есть – землянка! Навстречу красноармейцу откуда-то из зарослей вышли еще двое, одеты они были в точно такие же затертые гимнастерки. На плечах одного из них Куприянов различил погоны старшины.

Подполковник почувствовал легкий зуд, известный каждому волкодаву. В этот момент зрение его обострилось, и он способен был рассмотреть каждую морщинку на их лицах. Диверсанты о чем-то коротко переговорили и спустились в землянку. За ними негромко хлопнула дверь.

Вот теперь пора!

Осторожно ступая, Степан направился к землянке, не забывая смотреть себе под ноги. Пройдя еще метров пятнадцать, он остановился – где-то здесь должна быть растяжка. Он повнимательнее всмотрелся под ноги. В метре от себя заметил тонкую проволоку, мастерски замаскированную под опавшей листвой, – чуть заметно было лишь вытяжное кольцо, но и его можно было заметить только опытным взглядом.

Куприянов уже хотел было перешагнуть ловушку, как увидел еще одну растяжку, уже похитрее, укрепленную на уровне пояса. «Лимонка» была зафиксирована на дереве и была совершенно незаметна среди густой растительности. Подполковника невольно обдало холодом. Нетрудно было представить, что бы произошло с ним, двинься он всего лишь на полшага вперед. Оборонительная граната «Ф-1» косит все живое в радиусе двадцати метров, а ведь он находился от нее всего-то на расстоянии метра и мог запросто дотянуться рукой.

Куприянов глубоко вздохнул, стараясь привести в норму свое состояние. На лбу его выступила неприятная испарина, тонкая струйка воровато стекла со лба на переносицу, а потом, пощекотав кожу, сбегала на щеку. Подполковник вытер проступивший пот. Откуда-то взялась уверенность, что все самое худшее осталось позади и теперь с ним ничего плохого уже не произойдет.

Стараясь не коснуться проволоки, Куприянов осторожно проскользнул под ней. Затем аккуратно освободил кольцо и, взяв «лимонку» в левую руку, а в правую – пистолет, направился к землянке. До нее оставалось метра два, когда дверь слегка приоткрылась. Не теряя времени, Куприянов, подскочив, мощным ударом ноги вогнал ее вовнутрь, почувствовав, что кого-то сшиб с ног. Поток света, ворвавшийся вместе с ним в землянку, на мгновение ослепил четырех мужчин, сидящих за столом. Подняв над головой руку с «лимонкой», подполковник громко закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.